

Марик Лернер

Нестандартный вариант

Марик Лернер

Нестандартный вариант

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7616985

Пока не издана;

Аннотация

Каждый год в России пропадает пятьдесят тысяч человек. Это не шутка – статистика. Куда они деваются? Ну, про всех сказать сложно, но немалое количество отправляется в иные миры. Даже слово такое появилось – «попаданец». Правда, обычно попадают все очень однообразно: либо в 22 июня 1941 года, либо в мир с магами и драконами и сплошь феодальными пережитками, либо напрямую в тело царя. Но случается, человек попадает всерьез. Ведь миры бывают очень странные. Одно дело развитой коммунизм с полетами на звездолетах и совсем другое – политкорректная Америка, самозабвенно борющаяся за предоставление равных прав вампирам, оборотням и прочей нежити. И сражается она, что интересно, на чистом русском языке, почему-то называемом со всей серьезностью английским. Очень удобно внедряться и совершенно ненормально. У бедных пришельцев от странной обстановки мозги временами закипают...

Содержание

Глава 1. Другие миры	4
Глава 2. Первый полет	29
Глава 3. Успешное вживание	62
Глава 4. Новая жизнь	94
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Марик Лернер

Нестандартный вариант

Глава 1. Другие миры

Молодая, невысокая и очень красивая черноволосая девушка одним движением остро заточенного огромного тесака отхватила голову цыпленку и пошла вокруг покойника, брызгая кровью по окружности. Волоски у меня на руках при этом встали дыбом, и по рукам забегали многочисленные муравьи. Не от страха, и не такое видел, но от очень странного ощущения. Что-то крайне неприятное и неправильное было в ее поведении.

– Вставай, – негромко сказала она, – и служи мне.

Тон был приказной, и я не слишком удивился последующему.

Трехдневный с виду и по запаху труп сел на столе, где мирно лежал, и преданно уставился на девушку. Лицо его приобрело нормальные очертания, окоченение исчезло, и смотрелся покойник вполне себе бодрячком. Меня мучило ощущение, что уже раньше я видел красавца, но никак не мог вспомнить где и когда.

Новицкий, не поворачиваясь, ткнул меня острым локтем в бок, и я неожиданно понял, что многоступенчатая ругань,

которую я слышал последнюю минуту, вылетала из моего рта. А что он хотел? Предупреждать надо!

– Спрашивайте, – сказала подозрительная девушка. С такими умениями неплохо бы запереть ее в глубокий подвал и ключ выбросить. Это не цыганка с вокзала – гораздо хуже.

Новицкий, подавшись вперед, быстро произнес:

– Ты помнишь, как тебя убили?

– А я мертв? – недоуменно осведомился восставший неизвестно с какого света человек. На его рубашке четко виднелось несколько пулевых отверстий, и вся она была измазана засохшей кровью.

– Да, – покосившись на девушку, твердо ответил Новицкий.

Покойник некоторое время словно бы мучительно размышлял.

– Я умер, – наконец признал он, после чего крайне эмоционально добавил известное выражение из двух слов и замолчал.

Никита дернулся.

– Ах да, – вспомнил про вопрос покойник и принялся излагать монотонным голосом: – Ехал на машине. Какие-то придурки подрезали, затормозили перед самым носом. Когда остановился, выскочили из автомобиля и начали стрелять сразу двое. Ловушка. Моя вина, неправильно действовал. Надо было таранить и уходить сразу, но трасса, люди ездят. Не хотел привлекать внимание. На оружие я отреаги-

ровал и застрелил обоих. – Он посмотрел себе на грудь. – Видимо, недостаточно быстро. Стоило пройти через Чечню, чтобы загнуться здесь... Сел в машину, приехал домой. Все. Больше ничего не помню.

– Ты их знал?

– Нет.

– Подозреваешь кого-то?

– Нет.

– Было что-то странное? Звонки, угрозы?

– Нет.

– Ты знаешь что-то, о чем я не подумал спросить? Покойник сидел молча.

– Это слишком абстрактно, – недовольно поморщилась некромантка, – он отвечает только на конкретные вопросы.

– А если я его слегка потрясу? Физически?

– Ты просто его сломаешь. Это уже не человек, он только выглядит так. Два, максимум три дня, потом начнется разложение. Если будешь применять грубые методы, оно начнется раньше. Всякая мозговая деятельность исчезнет. Будет просто тело, реагирующее на команды. Тогда даже ответов на вопросы не получите.

– Ты кому-то рассказывал о своей работе? – снова спросил Новицкий подумав.

– Нет.

Никита развел руками.

– Я не знаю, что еще спрашивать, Анита. Бесполезно.

– Такое бывает, – согласилась она. – Странно все это. На грабеж не похоже. Все? Я могу заканчивать?

– Ты хочешь вернуть меня назад? – подозрительно спросил покойник.

– Да.

– Но я не хочу умирать снова! – Он напрягся и посмотрел по сторонам.

Я невольно отодвинулся, прикидывая, что можно использовать вместо оружия. Знаю я их, вечно кусаются, как будто покойнику еда зачем-то нужна. К сожалению, ничего подходящего под рукой не нашлось, и я всерьез занервничал. Не крестом же мне отмахиваться, у меня его отродясь не бывало.

– Ты уже умер, – сообщила девушка.

– Я? – возмутился труп. – А не пошли бы вы все...

– Ничего не поделаешь, – с сожалением сказала некромантка.

Я не понял, что она сделала: не считать же, что шепотка соли так сильно помогла, но лицо покойника обмякло, и он, снова мертвый, завалился назад на стол. Я тихонько шагнул вперед и потрогал его руку. Труп. Причем не первой свежести. Что я, мертвяков в самых разных видах раньше не видел? А здесь какое-то голливудское кино. Про зомби. Вот только я не актер. Не для меня же спектакль устроили, я вообще кроме Никиты в первый раз в жизни остальных вижу.

– Почему не вызвали полицию, спрашивать не надо? – сказала за спиной девушка.

– С тебя пример берем, – любезно откликнулся Новицкий. – Не всегда это стоит делать. Лишний интерес со стороны государства.

– Мы в расчете?

– Конечно, – подтвердил он. – Но если будет новая информация, я позвоню.

Анита повернулась и молча пошла к выходу. На улице ее ждала машина с водителем, у которого подозрительно оттопыривался костюм. Если там не пистолет, пусть меня зомби скушают...

– Объяснения будут? – спросил я.

– Сейчас, – невозмутимо сказал Никита, вытащил ПМ из кармана куртки и выстрелил покойнику в голову. Всю верхнюю часть черепушки снесло, и мозгами с кровью обрызгало стену.

Хе, это я без объяснений понял, ужастики все смотрели. Теперь уже вторично его никто не поднимет и про нас не спросит. Только возникает законный вопрос, сколько таких вудуистов бродит по окрестностям? Явно не один, иначе к чему предосторожности? Во что это я так классно вляпался?

– Пойдем, – позвал Никита, – нам здесь больше делать нечего. Чемоданчик возьми. – Он показал на обтянутый кожей дипломат, стоявший в углу.

– А пояснения? – с нажимом спросил я.

– По дороге. Все подробно изложу. Хотя... Знаешь, новый беспристрастный взгляд на окружающий мир. Считай, это маленькая проверка. Пока будем ехать до дома, смотри по сторонам внимательно, потом расскажешь, что интересного увидел. Честное благородное, все объяснения последуют. Мне просто интересно твое впечатление.

«Нашел тоже гения мысли и великого аналитика», – думал я, рассматривая проносящиеся мимо дома и людей. Сидели мы при этом в мощном навороченном джипе. Сиденья кожаные, прибабасы всякие, и, как положено, рок извергается из динамиков. Крутые пацаны едут по своим делам. Вот уж не думал, что это так выглядит. А что я, собственно, вообще думал? Да ничего. Полное отсутствие мыслей в голове. Ухватился за шанс, а что это и с чем едят, даже и не подумал. Уж очень припекало.

Я ведь не какой-нибудь героический спецназ, разгоняющий одной левой всех врагов Родины, или разведчик, пробирающийся в стан врага, чтобы украсть Самый Важный Секрет и отвинтить Самое Главное Колесико, после чего Америка рухнет. Обычный капитан мотострелковых войск, каких толпы. В меру воспитанный, слегка начитанный и насмотревшийся разных гадостей от хронически пьяного командира части, не соображавшего, что вокруг происходит, и массовой драки в роте с применением ломов и цепей на почве выяснения, чье землячество держит масть, до стрельбы в Кавказских горах. Регулярные командировки очень способству-

ют широте взглядов и стиранию иллюзий, а начальство меня всегда не жаловало и при первой возможности отправляло отдавать Родине долг вне очереди. Кому нравится, когда ему при свидетелях говорят, что он идиот, даже если это правда.

Батяня-комбат, а в моем случае ротный, — это никак не соответствовало жизни. Кому на хрен нужна любовь солдат? Необходимо, чтобы они правильно реагировали на опасность, и для этого их надо гонять, гонять и снова гонять. Если потребуется, пинками и кулаками. Чтобы действовали рефлекторно, чтобы знали, что выкобениваться будут в другом месте и другое время. Чтобы не снились мне потом эти не успевшие еще пожить мальчики с выпущенными кишками и не спрашивали матери, почему не уберег их детей. Поэтому и нарвался. Соскочил с резьбы, съехала крыша. По-другому и не скажешь. Когда поймали двух джигитов, застреливших из засады моих пацанов, расстрелял самолично у всех на глазах. Не стал приказывать отдавать. Сам исполнил. Иногда такие номера и проскакивали, но не в этом случае. Очередной месячник борьбы за законность. Прокуратура возбухла, стала тягать свидетелей, кто-то в подробностях заложил, и светило мне небо в клеточку на долгие и долгие годы. Это в лучшем случае. Могли и в камере пришить.

Не стал дожидаться, пока наверху наложат окончательную резолюцию, и просто смылся от этих правильных товарищей. Только это оказался тупик. Жить-то дальше как? К банди-

там идти? Я не так воспитан. Нет, если потребуется, могу и магазин подломить с прочими кассами, но грабить незнакомых людей как-то не особо тянет. Я крови в жизни нанюхался достаточно, и стрелять по ничему мне не сделавшим людям очень не люблю. Но и дожидаться неизвестно чего тоже не очень хочется. Пример Сыча, не дожившего до нашего самого гуманного в мире суда и бесследно исчезнувшего в очень схожей ситуации, оптимизма не добавляет.

Сидел в кафе, медленно и со вкусом попивал на последние деньги коньяк и размышлял о превратностях жизни. И тут раздался звонок на мобильник. Номер у меня не особо секретный, но не слишком многие его знают. Просто друзей как-то кроме бывших вояк у меня и нет, отец исчез в туманных далях чуть ли не при моем рождении, а мать много лет назад в аварии погибла. На переходе ее сбил грузовик с алкашом за рулем. Он потом рыдал и каялся, но мне от его раскаяния было не холодно и не жарко. После этого и подался в военное училище. На что рассчитывал, сейчас уже и не вспомнить. Скорее всего, просто хотелось убежать от стен, которые помнили родной голос. Да... Так что семьи не нашёл со своей профессией и регулярными поездками в горячие точки, знакомые все больше по части выпить, а поплакаться-то особо и некому.

Ну, ответил, почему не ответить. Любопытно, кто это меня домогался, а ко всему я еще и слегка подогретый был. Оказалось, Никита. Мой кадр из самого первого взвода. Не

сказать, что близкий приятель, какая там дружба между свежеиспеченным лейтенантом, желавшим себя показать, и сержантом-призывником, но когда вместе бегают под пулями, невольно вырабатывается взаимопонимание и что-то вроде чувства локтя. А нам по закону подлости пришлось постоянно с места на место переезжать, вечно использовали как затычку во всех дырах, и регулярно отстреливаться. Зато и высокого начальства обычно рядом не было.

Я знал, что на него можно положиться в критической ситуации, а он – что я его прикрою, если уж совсем не будет зарываться. Так, по мелочи... Где овечку у местных увести, где у своих же военных из другой части что скомуниздить на общее благо. Он в таких случаях не себе в карман тянул, а со взводом делился. Нормальный парень без заскоков, даже дедовщины особой не было, мне и бороться не приходилось. То есть было, как без этого, но все в пределах приличия. Обычно у него все и так по струнке ходили, парень здоровый, как приложит в сердцах, голова и улетит в кусты, но не злоупотреблял.

Он и потом, уже дембельнувшись, регулярно проявлялся. Без особой нужды, просто так. Всерьез считал, что мне что-то должен за прошлое. Я так не думал. Не спасал я его от злого чечена специально, так вышло. Могло бы случиться, и что он меня прикрыл бы – это были совсем не детские игры, это была самая настоящая война, да еще и без линии фронта.

Все равно, что бы у него там, в голове, ни бродило, приятно, когда тебя вспоминают, не только когда что-то требуется, а просто так.

Появлялся он не слишком часто – два-три раза в год, но деньги у него водились, и, по моим понятиям, совсем не маленькие. Про работу свою он ничего не объяснял, но не бандитствовал. Уж это я видел, хоть он и темнил. Как-то так всегда получалось, что стоило нам встретиться, и без изрядной выпивки и интересных приключений на то место, что пониже спины, никак не обходилось. Вечно за нами гнались или патрули милицейские, или рассерженные джигиты.

Первым делом, как я подъехал на продиктованный адрес, он спросил, что собираюсь делать дальше. Уже в курсе, да и сложно было не прочитать в газете. Истерика на всю страну по поводу очередного убийцы в погонах. Я только плечами пожал. Вот тут он выдал. Есть, говорит, прекрасная возможность свалить с концами в далекие края. Не просто так, в его компании. Хорошая зарплата и риск гарантируются. Наполненная разнообразными приключениями жизнь тоже. На самом деле это вроде как контракт. Годик потрешься, выполняя указания, а потом можешь жить дальше как угодно. Легальными документами обеспечивают. Одна проблема – назад уже не вернуться. То есть можно, но тут уж начнутся заморочки вроде: «Он слишком много знал».

Мне, собственно, и море в тот момент было по колено. Так что: «Хочешь интересной новой жизни и чтобы тебя ни-

когда эти дерьмократы не достали?» – «Да!» Он подумал и серьезно говорит: «Юра, я не шучу». Ну, я ему давно не командир, а по возрасту не такая уж большая разница. Это когда тебе пятнадцать, двадцатилетние кажутся взрослыми. А в тридцать двадцатипятилетний вполне себе ровесник. Лет в семьдесят пятилетнюю разницу в возрасте уже и в микроскоп не разглядишь, так что по имени еще с девяносто шестого года друг друга зовем.

«Это вполне может быть дорога в один конец, – сказал он. – И словить пулю есть большая вероятность. Мне все равно нужен человек для помощи, а тут так совпало... Нельзя же так, ты даже размером гонорара не интересуешься».

Я опять плечами пожал, ну нет у меня желания в зоне сидеть за разных козлов. Пусть будет что будет. «Наркоту возить не предлагаешь, девочек в бордели продавать и России вредить тоже? Остальное пофиг». Что-то там он постучал по компу, стоявшему у входа в кладовку, а я тем временем хлопнул еще стакан водяры и, хихикая, прибыл в неизвестный мне подвал. Слава всем богам не в одиночку, а вместе с Никитой. Тут я в момент протрезвел от происходящего, но, пока еще не слишком соображая, переоделся в предоставленные Новицким вещи. «Российская потрепанная военная форма в здешних местах как-то не принята», – пояснил он невразумительно. Там в подвале шкаф такой вместительный стоял. Взвод одеть можно в самые разнообразные шмотки. От кожаной куртки байкера до делового костюма.

Еще и размеры разные. И в полном обалдении послушно отправился за Никитой по неизвестному адресу в сопровождении невразумительной лекции про межмировые порталы. А там уже и покойник разговорчивый дожидался. Нет, такого я себе представить не мог.

– Приехали, – притормаживая у знакомого двухэтажного дома, откуда мы отправились на «деловую встречу» с трупом, сказал Никита. Нажал кнопку на пульте, извлеченном из бардачка, и дверь гаража медленно поползла вверх, открывая проезд. – Ну? – с интересом спросил он. – Какие впечатления?

– Бред! – уверенно сказал я. – Мы с тобой перепили, и мне снится какой-то идиотизм.

– Ущипнуть?

– Не надо, – поспешно отодвигаясь, ответил я, – в бреду это без разницы. Там и слоны розовые вполне материальны.

– Я слушаю подробности.

– Ты мне плел про другие миры. – Он кивнул и слегка надавил педаль газа, медленно заезжая в гараж. – Допустим, в этих самых мирах некроманты с зомби стаями ходят. Хрен его знает, что там бывает в параллельных вселенных. Вампиры, эльфы, черные властелины и озера магии с кольцами всевластия. Я в это не верю, но допустим. Тогда всего вот этого бы не было.

– Чего «этого»?

– Города, – раздраженно ответил я. – Говорят по-русски

– это раз. Радио всю дорогу работало, про войну в Ираке заливало, да и я не глухой, слышал, как на перекрестке отношения выясняли. Совершенно понятно, и без малейшей разницы в произношении и словах. Такого просто не может быть. Вся история должна была измениться, и язык тем более. Стреляли бы не из автоматов и пистолетов, а кидались молниями. И на мечях рубились бы. Он потянул ручник вверх, но выходить из машины не собирался, поощрительно кивая и внимательно меня слушаю.

– Надписи все латинскими буквами, но как будто транслит. Слова русские, все понятно. Это два. Зато на газете, – я показал на заднее сиденье, – написано «Новости Сент-чего-то-там». И цены в долларах.

– Глазастый, – с одобрением вставил Новицкий. – Рекламу рассмотрел.

– Какой еще Святой в аглицком написании?!! Какие наши доблестные войска, спасающие кувейтцев и помогающие иракцам, о которых бухтели по радио?!! Это в Америке бывает. Откуда здесь русские? На машине «Форд» написано. Не «Русо-Балт» какой. На перекрестке разнимал скандалистов типичный коп, каких в кино показывают. Форма, наручники, дубинка и куча всего, будто из комикса для малолетних. Если это русские, захватившие пол- Америки в незапамятные времена, то и форма должна быть другая. Архитектура еще туда-сюда, одинаковые условия вызывают одинаковые решения, и печные трубы с деревенскими пятистенками в Амери-

ке без надобности, но ведь и реклама такая же самая. Один в один. «Кока-колы» и «Макдональдса». Бред, и никак иначе! Ну, хорошо, умудрились сделать портал в другой мир. Явно не тот, где проживают разумные слизни. Параллельный. Или перпендикулярный. Альтернативный, где все по-другому, но Земля та же. Калифорнию с Аляской не продали цари, Великая Российская империя простирается на полмира. Тогда откуда современный русский язык с латиницей и некромантка в джинсах? Не бывает джинсов в мире, где нет США.

– Почему? – искренне удивился Никита. – Там был эмигрант Леви Страус, а здесь российский подданный Лейба Штраус. Все гораздо хуже, – посмеиваясь, проинформировал он меня, – ты влетел на всю катушку, но я предупреждал!

– Не верю! Вообще, – озвучил я сверкнувшую алмазом пламенем мысль. – А вдруг это бред, вызываемый твоим аппаратом? Лежим мы сейчас на полу под действием паленого алкоголя.

– Я давно не употребляю из ларьков, – обиделся Никита.

– А при чем тут ты? Это мой бред.

– Логично, но все-таки этот мир существует. Пошли! – открывая дверь джипа, сказал он.

– Куда?

– На кухню. Я тебе все изложу. Будешь кушать и переваривать новую занимательную информацию.

– Я не хочу есть.

– Зато я хочу. На нервной почве всегда жрать хочу. А де-

ло нам предстоит неприятное. Сам уже видел, и, боюсь, это только ягодки... Жил в стране советской один товарищ, – рассказывал он уже на возделенной кухне, неторопливо поглощая бутерброд с колбасой. – Большой ученый и, как водится, с немалыми амбициями.

Кухня, кстати, была как в стандартном американском фильме. Широкие просторы, огромный холодильник, масса всяких занимательных электроприборов и окно на полстены. Куда там советским хрущобам, в которых я привык обретаться!

– Долго ли, коротко ли...

– Сказочник, – пробормотал я.

– А то! Дальше будет еще интереснее.

Что-то неприятно пискнуло, и он резко замолчал. Недоденный бутерброд шлепнулся на стол, и в правой руке появился хорошо знакомый пистолет Макарова.

– Ящик в столе открой, – бросил он сквозь зубы, разворачиваясь так, чтобы видеть дверь. – Сигнализация сработала, а на почтальона она не реагирует, исключительно на вооруженных людей.

Я послушно полез в стол и обнаружил там еще один экземпляр ПММ. После всего услышанного задавать вопросы не тянуло. Сильно продвинутая сигнализация уже не удивляла. Это все успеется, если живым отсюда уйду и желательно не в виде очередного зомби. Передернул затвор и отодвинулся к дальней стене кухни, чтобы Никита не загораживал обзор.

– За окном смотри, с той стороны кто-то есть, – приказал он.

Наверное, желая подтвердить его опасения, через лужайку к дому быстро пробежал молодой парень с обрезом в руках.

– Стрелять? – спросил я, готовый ко всему. Что он мне там обещал? Наполненную разнообразными приключениями жизнь? И не врал же, гад. Так и бегают стаями «приключения»!

– Обязательно, – кивнул Никита и начал дырявить дверь. За нею с грохотом упало тело. В окно засадили со двора из обреза, толстое стекло не выдержало, и осколки полетели во все стороны. От стола отскочил изрядный кусок, расколов раковину. Я дважды выстрелил, но шустрый парень успел забежать под стену в мертвое пространство. Высовываться в окно совершенно не тянуло.

В распахнувшуюся дверь шагнул очередной назойливый тип с жутким оскалом и помповухой в руках. Пуля Никиты попала ему в бок, вторая вошла в шею – кровь так и брызнула, испачкав идеально чистый пол, выложенный плиткой. Рука судорожно вцепилась в дробовик, и он попытался его поднять, уже лежа в луже крови. Еще один выстрел, и голова дернулась от удара. Я все это видел прекрасно, время тянулось медленно, и очень четко можно было рассмотреть малейшие детали. Так всегда у меня бывало в момент крайней опасности. Раньше за Никитой такой реакции не замечалось.

Да и «макаров» совсем не его оружие. Вот с «калаша» неплохо умел, но не снайпер. Видать, натренировался в этих долбаных параллельных мирах.

Никита опять дважды выстрелил в дверь и был вознагражден за это многоэтажным матом. Кто бы ни были эти парни, но ругались они вполне по-русски и исключительно заковыристо. Нечасто услышишь такие замечательные обороты. Обычно употребляют десяток слов в различных комбинациях.

– Дом окружен, – заорали снаружи. – Нам не нужна ваша смерть. Отдайте и гуляйте себе.

Что характерно – опять на чистом русском языке.

Никита вставил новую обойму, оглянулся на меня и жестами объяснил, чего хочет. Причем точно указал, где стоят непрошенные гости. На мое удивление, что он, сквозь стены видит, отмахнулся и красноречивым жестом повторил приказ – слов не требовалось.

Я встал у двери, дождался очередного знака и резко пнул ее, открывая. Он выстрелил в проем за секунду до меня, в перекате прыгнув вперед. Бандит еще поднимал свой обрез, когда получил пулю в голову и, выронив загремевшее оружие, свалился прямо на лежавшее тут же тело. Я был не настолько точен. Потребовалось три пули в корпус, прежде чем его напарник успокоился. На мое счастье, он был уже ранен, видимо, поэтому и матерился, и действовать начал не сразу. Пока поднял ствол, пока развернулся... Правда, он успел

выстрелить, но уже падая, и картечь попала в потолок. Могло быть намного хуже.

Никита вскочил, перепрыгнул через покойника, перегородившего дорогу, метнулся к окну и начал резво палить во двор. Оттуда загремели ответные выстрелы. Над головой неприятно взвизгнуло, я пригнулся и отскочил в сторону, чтобы не зацепило шальной пулей. Опустошив обойму, Никита сдвинулся в сторону от окна и приглашающе махнул мне. Я ткнул дверь в другую комнату и вопросительно приподнял брови. Он скривил рожу и сделал отрицающий жест. Все-то он знает...

Я осторожно подошел сбоку. Еще не хватает отсвечивать в окне в виде мишени. На зеленой лужайке валялось тело без признаков жизни. Кровавый след тянулся к воротам. Там мелькнули какие-то тени, потом взревели моторы, и две машины резко умчались. Стрелять смысла не было. Из-за деревьев все равно плохо видно, да и не поймешь, может, соседи или случайно мимо проезжали. Ушли, и прекрасно.

Вдалеке выли полицейские сирены. В ушах у меня звенело от выстрелов в тесном пространстве, руки тряслись. Слишком быстрым и неожиданным получился переход от тишины и спокойствия к этим страстям.

Ко всему еще ударился локтем, шарахнувшись от разлетевшегося в стороны стекла. В горячке не обратил внимания, а сейчас изрядно болело.

– Некогда трупы прятать, – бросил Никита, – бери чемо-

данчик, я тебя отправлю. Ты здесь абсолютно лишний и подозрительный без документов. А так все понятно. На меня напали, я защищался.

– На Землю? – тормознуто размышляя, не слишком ли быстро закончилась моя командировка и где, собственно, гонорар, поинтересовался я. Какой чемодан и что в нем лежит, сейчас не слишком волновало.

– Там тебе все объяснят, – торопливо подпихнув меня в спину по направлению к уже знакомому подвалу с белым кругом на полу и компьютером на столике в углу, заявил он. – Сейчас набегут легавые и начнут выяснять, что к чему, а я сам ни черта не понимаю. Ничего с тобой там не случится. Он начал быстро барабанить по клавиатуре. – Никуда не ходи сам, подожди.

– Где «там»? – спросил я, но это было уже бесполезно. Оставалось только тупо пялиться на новый пейзаж.

Это был уже не подвал, а обычная комната. На полу все тот же белый круг, в углу – очередной железный ящик с приспособленной к нему клавишей, и полное отсутствие экрана. Спорю на что угодно, это и есть таинственный телепортатор. Экспериментировать с ним ни малейшего желания. Зашвырнет еще хрен знает куда, с кем потом разговаривать? А вообще любопытно, несмотря на все эти страсти. Это что, меня вербанили в патруль времени? Будем исправлять завихрения у ненормальных русскоязычных американцев и бродячих зомби на правильную историю? Я бы лучше погулял

по городу, интересно же, как до такого докатиться можно.

– Эй, – просительно, так что сам себе удивился, закричал я, – есть кто дома? – Потом повторно издал призыв к подзрительным «там объяснят».

Никто не прибежал с топотом, сжимая в потных руках пулемет. Уже хорошо. Однако и фанфары тоже не зазвучали. И цветов не было. Молчание было мне глубокомысленным ответом.

Я поколебался и вытащил обойму ПММ, проверив, что у меня имеется после всей этой стрельбы. Без особого удивления достал один за другим оставшиеся патроны. Действительно, не показалось. Если и не серебряные, то посеребренные точно. Кого там у нас положено такими успокаивать навеки, согласно классическому кино? Вампиров, оборотней. На зомби вроде не действует, тем святой воды надо. Видимо, зря раньше не смотрел внимательно голливудские подделки. Сейчас бы пригодилось.

Меня уже ничего в этом идиотизме не удивляло. Особенно, если мне не показалось, и у того бандюка, что Никита первым завалил у меня на глазах, во рту были клыки ненормально большого размера. Тем более на «трезвую» голову совсем по-другому выглядело все это. Две пули, а он еще и дергаться пытался. Живучий, как не знаю кто, без контрольного выстрела никак успокоиться не мог. Да и мой клиент тоже долго помирал, даже выстрелить успел. Видать, неда-

ром серебро.

Держа в одной руке пистолет и не выпуская из другой чемоданчик, я обошел весь дом, чувствуя себя идиотом. Раз уж никто не откликнулся на жалобные крики, значит, никого нет. Все ушли на работу. Или куда там ходят жители параллельных миров в промежутках между сном.

Нормальный такой дачный домик с лесом вокруг. Внизу большой салон с кухней, наверху две спальни с обычными туалетами и душем. Судя по шкафу с разнообразием одежды, мужской и женской, люди здесь бывали. Гаража нет, вертолетной площадки с бассейном тоже. Подвал тоже не обнаружил, и слава богу. Что бы я делал, если бы в нем оказался гроб с прикорнувшим вампиром? Может, он хороший! Как ни странно в доме абсолютно отсутствовали всякие телевизоры, радио- и прочие телефоны. Сюда явно приезжали отдохнуть от общества те, кого даже новости не интересовали.

С облегчением поставил чемоданчик на пол на кухне, засунул пистолет за пояс сзади и начал искать, что бы пожрать. Зря я тогда отказался, скоро вечер, а кроме куска хлеба с утра ничего не ел. Гости тут бывали нечасто. Это в таежной избушке положено оставлять продукты. Сам поел, приготовь другому. Здешние хозяева о моих нуждах не подумали.

Тщательные поиски дали только с десяток сухарей в полиэтиленовом мешочке и консервную банку без этикетки. Судя по знакомой букве «М», выдавленной на крышке, в ней должно было быть мясо. Обнаружились и ложки с вилками.

Даже страшно тупой нож был, с которым я намучался, пока жест на консерве порезал. Так и сидел, намазывая изрядно паршивую тушенку неизвестного производства на старые сухари и задумчиво жуя, глядя в окно, за которым садилось солнце. Что бы я делал, если бы маркировка была незнакомая? Да то же самое и делал бы. Если банка не вздутая, вполне можно кушать. Не приходилось слышать про жареных консервированных кузнечиков. А морская капуста внутри или еще какая хрень, не стоит задумываться, когда брюхо о себе напоминает.

Когда стемнело окончательно, решил, что ждать дальше нет смысла. Никиту долго будут муржить, милиция там или полиция обязательно будет писать массу бумажек и добиваться грязных подробностей, а жильцами здесь не пахнет. Если и был кто, то не сегодня, и когда вернется, — неизвестно.

Поднялся наверх, в очередной раз нежно прижимая к себе таинственный чемоданчик. Не то чтобы не хотелось заглянуть, но там стояли цифровые замки, а я еще не настолько обнаглел, чтобы ломать чужое и явно ценное имущество. Веселые ребята с ружьями прибыли точно не просто так. Бывают вещи, про которые лучше не знать и с чистой совестью всем говорить, что не видел. Дверь в спальне закрывалась на ключ, который услужливо торчал в замке, но я еще и подпер ее стулом и прямо в одежде завалился на кровать, не забыв положить рядом пистолет, снятый с предохранителя.

Если кто надеется меня таким оригинальным способом заставить страдать бессонницей, он очень ошибается. Нормальный солдат способен спать в любое время в любом месте и в самых отвратительных условиях. Некоторые умудряются спать с открытыми глазами, стоя в строю. Особенно развитые экземпляры даже маршируя. Ко всему человек привыкает. Если по соседству работает артиллерия, он проснется от тишины. А если спит на посту, от шороха обязательно очнется. Это дается длительной практикой, и не все могут, но я вполне натренировался.

Проснулся я от деликатного стука в дверь.

– Да? – спросил с интересом, садясь и доставая пистолет из-под подушки. – Кто там?

– Я, – раздался знакомый голос. – Спускайся на кухню.

Еще немного, и солнечный луч обязательно упал бы мне на лицо через окно над кроватью, заставив подняться, но и так неплохо. Опасения, что придется куковать, неизвестно сколько, в одиночестве, не оправдались. Впрочем, еще не факт. Может, у него там, в доме, по-прежнему суетятся полсотни копов, а добрый Никита быстренько сбегал проведать друга.

«Или жадный стал», – посмотрев на чемоданчик, подумал я и направился мыться, не забыв прихватить его с собой.

Внизу на столе меня дожидались расставленные в живописном беспорядке блюда: два салата из овощей, огурчики малосольные, паштет печеночный, соусы в маленьких ба-

ночках, мясные рулетики, рыба, запеченная в фольге, картофельные котлетки, каша гречневая в маленьком горшочке и бутылка классической прозрачной водки только что из холодильника. Аж стекло запотело. Так и написано латинскими буквами «Водка столичная». Я эти бутылки помню еще с догорбачевских времен. Тот же самый дизайн. Все это съедобное добро распространяло вокруг одуряющие запахи.

Я поставил чемоданчик, демонстративно выложил пистолет на стол и, придвинув к себе пустую тарелку, начал накладывать всего понемногу.

Попытка смутить недовольным молчанием не удалась. Никита пристроился напротив и тоже принялся с аппетитом угощаться. Потом он деловито свинтил пробку с бутылки и налил сначала себе, а потом мне в стограммовый стаканчик. Я сделал удивленное лицо.

– Виноват, – без тени раскаяния сообщил он, – но так уж вышло. Мне нужен был человек, чтобы не из местных и при этом без связей дома. Ты очень удачно подвернулся. И тебе хорошо, и мне совсем не криво. Тем более мы давно знакомы, я уверен, что ты не гнида какая и нормально сработаемся. Чем хочешь, поклянусь, никаких коварных планов заранее не лелеял, хотел тебя постепенно ввести в курс дела. Просто крепко сглупил, они наверняка за тем домом следили. Причем полиция двоих сразу опознала. Очень известные люди с уголовным шлейфом. Так что ко мне претензий вроде нет, а с другой стороны, я стал для них подозрительным.

Не занимаются эти ребята квартирными кражами. Если уж наведались, то с серьезными требованиями. Ничего копы не объясняют и косятся фирменным полицейским взором. До ночи морочили голову и потребовали завтра явиться на допрос в участок. За наше здоровье! – протягивая стаканчик, провозгласил он.

– А стоит ли? – с сомнением спросил я, чокаясь.

– Сегодня мы не на работе. Я честно травлю байки, потом выслушаю комментарии. Захочешь, поступишь на службу, и тогда уж будь любезен воспринимать меня в качестве прямого начальника. Дельные советы с благодарностью принимаются, указания и поучения засунь себе в задницу. Меня не учили глубинному внедрению, ты, насколько мне известно, тоже не Йоганн Вайс вперемешку с Абелем. Не понравится, уйдешь. Деньги я тебе дам, хорошего адвоката подскажу, а дальше уже твои проблемы.

– И?

– И свершили они великое дело, в смысле советские ученые, – загробным голосом поведал Никита. – Нажали, что там нужно нажать. Соединили, что там необходимо в тонких законах мироздания, и – упс! Можно отправляться в экспедицию. Для этого пригласили меня. Я первый посетитель других миров, практически Гагарин. Только вот с известностью у меня швах. Я люблю проходить в маске, как Зорро.

Глава 2. Первый полет

Никита шел по городу, никуда не торопясь, и с большим вниманием изучал всех попадающихся навстречу представительниц женского пола. Даже возраст не особо влиял, главное, чтобы не пенсионерка. Некоторые, заметив его пристальный взгляд, поспешно переходили на другую сторону. Он сам прекрасно понимал, как выглядит и что они могли подумать, но ничего поделать с собой не мог. В голове заезженной пластинкой крутилось: «Мороз и солнце; день чудесный». Мороза пока не наблюдалось, но этим и исчерпывались в основном его поэтические познания, соответствующие моменту, а ничего более подходящего не всплывало.

На дворе стояла поздняя осень одна тысяча девятьсот девяносто пятого года, страна стремительно шла в неизвестном никому направлении, по улице расслабленной походкой передвигался слегка поддатый, по-идиотски улыбающийся громила не ниже метра девяноста, изрядно мускулистый, в расстегнутой до пупа рубашке и потертой кожаной куртке. Голова с короткой стрижкой, под глазом всеми цветами радуги переливался фингал. По нынешним временам не то мелкий бандит, не то отморозок, с которым связываться не стоит.

На самом деле «громила» на днях вернулся домой, дембельнувшись из доблестной армейской группировки в Чеч-

не, и пребывал в перманентном состоянии радости от жизни. Даже выпивка была не особо нужна для прекрасного настроения. Практически невредимый, не считая двух минометных осколков, вытащенных прямо на месте пальцами, так неглубоко они сидели в плече, и больше никаких командиров. А вместо осточертевших физиономий товарищей, угрюмых рож местного населения и стрельбы – девушки! Блондинки, брюнетки, шатенки, рыжие... Высокие, маленькие, худые и полненькие – все приводили его в восхищение. Ни холодный ветер, ни угрюмые лица прохожих, ни даже измученная вечным безденежьем мать не могли испортить его прекрасного настроения.

Он прошел через знакомый с детства, но еще более загаженный, чем раньше, двор с новыми упражнениями в письменности на стенах для особо недоразвитых малолеток. Поднялся на три ступеньки, вошел в дверь подъезда, не закрывающуюся и сильно побитую с момента его отъезда, и ткнул пальцем в привычно задрезавший звонок. Через минуту дверь открылась без всяких «кто там?» и на пороге появился отец. Нисколько не удивившись, он приветственно кивнул и, широко махнув рукой, пригласил:

– Заходи!

Послушно топая сзади мимо кучи непонятных приборов, валяющихся как попало, Никита прошел на кухню. На столе и в раковине громоздились грязные тарелки и пустые бутылки. Это было странно. Никогда отец не был большим люби-

телем закладывать за воротник. Всю жизнь он проработал в каком-то суперсекретном НИИ в качестве человека с золотыми руками. При желании мог собрать что угодно из чего угодно, за что его и ценили, и всегда очень неплохо жил.

Ученые, говорил он, они как дети. Вечно что-то придумывают, но все теоретически. Довести до ума способен только я! И создавал очередной бульбулятор, неизвестно для чего предназначенный, по очень приблизительным наметкам. Очередь к нему стояла всегда, и он мог выбирать, кого принять со всем радушием, а кого и послать.

При вечной безалаберности дома у него всегда царил порядок, и все лежало на своих местах. Чистота тоже была если не идеальная, то вполне на уровне, как положено старому холостяку, частенько приглашавшему к себе незнакомых девиц. Был он прекрасно сложен, хотя никаких зарядок и занятий спортом за ним отродясь не числилось. Просто от рождения, что называется, имел удачных предков, да и язык прекрасно подвешенный.

Отец всю жизнь был изрядный ходок, так что по молодости Никита ему завидовал, страдая непростительной стеснительностью в общении с противоположным полом. Со временем выяснилось, что и телосложение, и умение вешать лапшу на уши, и навыки работы руками отец щедро передал сыну вместе со своими генами, так что зависть исчезла.

Перед институтом Никита загулял на всю катушку. На чем и погорел, как швед под Полтавой. Очередные веселые поси-

делки закончились пьяными разборками и сильным мордобоем, в котором в теории он выступал лицом пострадавшим, а практически мог и загреметь в отдаленные места. Очень дальние, на Крайнем Севере, с колючей проволокой. А нечего было к чужой девчонке приставать. Только настроился на лирику, а тут подваливает пьяное мурло, да еще и в компании. Не начал бы первым, отделали бы как пить дать. Шпана, она и есть шпана. Но телесные повреждения можно было запросто оформить как тяжкие. Хорошо, Родине срочно требовались молодые парни в качестве пушечного мяса, не то мог бы и сесть. А так пронесло: прямым в военкомат из обезьянника загремел. Даже домой позвонить разрешили только на сборном пункте. Поехал в армию вместо зоны. Положа руку на сердце – не самый плохой вариант. В данном случае. А то некоторые и не возвращались. Вернее, приезжали домой, но уже в гробах.

Отец таких проколов не допускал никогда. Охмурить мимоходом девицу, вполне годящуюся ему даже не в дочери, а во внучки, это он мог без проблем. Также мимоходом в один прекрасный день увлекался каким-нибудь прибором, который доводил на работе, и напрочь забывал про свою горячую любовь. Как при этом он умудрялся расстаться с очередной красавицей легко и без проблем, всю жизнь оставалось выше понимания Никиты. Наверное, длительный опыт сказывался. Никаких скандалов и битья посуды. Даже анонимок в партком в советское время девицы не писали, но всегда бы-

ли готовы прибежать по первому зову.

Мать вспоминала о прошлом с ностальгическими вздохами и никогда не пыталась мешать их встречам. Скорее, наоборот. В детстве постоянно подталкивала Никиту ходить в гости. Уже повзрослев, он понял, что она на что-то надеялась.

Сейчас квартира, в которой оказался Никита, больше напоминала... еще не помойку, но где-то на пути к этому. Некоторые приборы он мог опознать, но большинство видел в первый раз.

– С возвращением, – сказал отец, наливая в плохо помытые стаканы из полупустой бутылки, и попытался выдавить себе дополнительно пару капель. Никита понял, что отец еще окончательно не сбрендил, помнит, что он не из школы прибыл в гости, и, не ломаясь, выпил.

– Что случилось за время моего отсутствия? – пытаюсь найти на столе хоть что-то съедобное, поинтересовался он. Обнаружил на одной из тарелок недоеденный огурец и поспешно запихал в рот.

– Да так, – грустно отозвался отец, – что и у всех... Больше ничего не производим, исключительно воруем по прежнему месту работы и продаем. Зарплату тоже не платят третий месяц уже.

– А вот это все?

– Федор Иванович умер. Собрались старые знакомые – по-

мянули.

Никита смутно припомнил пожилого, абсолютно лысого отца друга, прибабахнутого, с множеством научных званий, в вечно мятой рубашке. Он внимательно посмотрел на отца. Хотя и несвежий вид имеет, но вовсе не в меланхолии. Вон как глаза блестят, и смотрит с интересом. Раньше в таких случаях он выдавал очередную идею на тему погулять и порезвиться.

– Ты что делать собираешься? – невинно спросил отец, подтверждая подозрения.

– Сам пока не знаю... Институт уже мимо, сроки подачи документов давно прошли. Работать надо. А вот кем и где? Не идти же на рынок торговать!

– А синяк под глазом – это ты все свое продолжаешь?

– Душа не выдержала... Прапорщика своего встретил уже в воротах части. Он, сука, вечно отсутствовал, как стрелять начинали. Вот мы и поцапались.

– А не придут за тобой... эти... в погонах? Второй раз в армию от тюрьмы не сбежишь.

– Не, – уверенно сказал Никита, – там наш летеха был, он это дело придавит. Самому неинтересно волну поднимать. Он куска нашего вонючего не больше моего любит, а мужик хороший. Мы с ним нормально жили, без всяких напрягов.

– Кого? – удивился отец.

– Прапорщика, – нетерпеливо отмахнулся Никита. – Объяснять тонкости армейского жаргона ему было недосуг.

– И что у тебя за манера – вечно в морду при всех? Не учил я никогда такому! Надо спокойно подождать, пока свидетелей не будет. А лучше на голову чего одеть вроде маски... для анонимности, и дубась себе оппонента в полное удовольствие...

Никита невольно хохотнул.

– Смеешься? – неодобрительно спросил отец. – А зря. Я плохому учить не стану.

Никита, уже не сдерживаясь, заржал. В кружок бокса он попал с отцовой подачи с целью направить агрессию в спокойное русло. Очень уж нервно реагировал на школьных хулиганов и тех, кто желал проверить, что у него имеется в карманах. Чемпиона из него там не сделали, да он и сам не слишком рвался, но бить морды научился профессионально. Неоднократно в жизни пригодилось. При его весе недовольные от удара улетали на манер ежика. Низенько, но далеко.

– Давай ты мне не будешь парить мозги, – отсмеявшись, попросил Никита. – Лучше посоветуй, как жить дальше. За эти два года все стало гораздо хуже. Идти учиться? Так жить будет не на что. Кстати, спасибо, что маме денег подкидывал. По нынешним временам библиотекарь самая что ни есть востребованная профессия.

– А, – отмахнулся отец, – нашел, о чем говорить. Я не самый лучший папаша в мире, и муж из меня был крайне паршивый, но помочь близкому человеку...

Он вскочил и забегал по кухне. Никита с интересом за ним

наблюдал. Очень знакомая реакция. Безошибочно определялось рождение новой гениальной идеи. Причем мало совпадающей с просьбой сына. После этого отец должен выпасть на несколько суток из жизни для нормальной деятельности. Ну, вот такой он у него. Ничего не поделаешь. Никита давно привык.

Отец неожиданно прервал свой бег, сел напротив сына и пристально на него уставился.

– Ты ведь изрядный авантюрист? – вкрадчиво спросил он. – Готов на рискованное и сомнительное дело в надежде на успех. И способен действовать достаточно резко. Если бы тогда не ввязался в драку, вполне мог бы оказаться в больнице вместо того придурка. Так?

– Так, – согласился Никита. – Я еще и людей убивал. – Он криво усмехнулся. – Если этих зверей можно людьми называть. Но именно поэтому не рвусь в бандиты. Я еще ко всему слегка понюхал ментовскую справедливость. Совсем на нары не тянет. Вот и нахожусь в глубоких раздумьях. Один раз рискнуть за хорошие деньги – да. Всегда готов. Ходить по лезвию постоянно – нет. Не успел приехать, встретил знакомого парня, с которым вместе в спортивную секцию ходили. Тут уж не знаешь, как посмотреть, мне повезло или нет, что я в армию загремел. Почти никого не осталось. Одни на небо в клеточку смотрят, другие на кладбище лежат. Жизнь у последних была яркая, но короткая. Но меня это не устраивает. Тем более выбивать деньги из незнакомых людей по приказу

какого-нибудь упыря... совсем не улыбается. Пойдет что не так, меня же и сольют, а приказа письменного на руках от начальства не имеется. Закроют в казенный дом, и вой там на Луну. А ты хочешь мне предложить подломить банк?

– Банк... нет. Кое-что гораздо более рискованное, но и интересное. – Отец опять взглянул на бутылку, но она была совершенно пуста. – Мы с Федором Ивановичем почти двадцать лет вместе работали. – Он подумал.

– Еще до твоего рождения... значит, двадцать один. Чем наш НИИ занимался, сейчас уже не особо интересно, но в его лаборатории обсасывали одну интересную идею. В чисто научных терминах тебе все равно не понять, но очень попростому – мучил он идею передачи материи на расстояние.

– Типа телепортации, – понимающе кивнул Никита.

– Вот именно. Ничего у них не выходило, и, как началась перестройка, все это направление просто и грубо закрыли. Отсутствие финансирования. Нет практической пользы для нашего народного хозяйства, – с сарказмом сказал отец. – Последние пару лет Федор уже работал на полном энтузиазме и за свой счет. Если помнишь, среди советских интеллигентов такое случалось. Для собственного удовольствия, а иногда и на государственные средства и на государственном оборудовании ковырялись в разных занимательных для них вопросах, не задумываясь о выживании. Прошли те времена, – вздохнул он с ностальгией. – Мы с ним на пару разное оборудование домой тащили. Ну, не мы одни... Где-то с

полгода назад пришел Федор ко мне вот с такими глазами, — отец широко развел руки, — и говорит таинственным шепотом: «Есть!». С передачей материи на близкое расстояние швах, зато можно запросто шагнуть на другие планеты.

— Без координат? — усомнился Никита. — Вероятность нуля в минусовой степени со многими нулями. Да и вместо кислорода там окажется атмосфера со сплошным фосгеном. Первопроходец будет корчиться в судорогах... страшно смешно. Жаль, свидетелей не будет.

— Ну не совсем дурак мой сын! — радостно воскликнул отец. — В корень смотришь. Вот только в этих теориях, идеях и прочих параметрах ты еще меньше меня понимаешь, а я точно ни черта не понял. Я могу собрать прибор, который будет работать согласно указаниям и генерировать какую угодно хреновину в соответствии с требованиями заказчика. А вот что она станет производить, не понимаю. Я в этих физических законах Вселенной ни бум бум. — Он сделал театральную паузу и продолжил: — Есть выход, хрен знает куда. Вполне кислородная планета, и жить там можно. Когда мы это выяснили, Федора на радостях инфаркт хватил. Сильно возбуждился — не меньше, чем Нобелевка! Слава, деньги... Был человек, и нет его. И остался мне в подарок прибор, сварганный из ворованных в институте деталей, и записи, в которых я ничего не понимаю. Я к дружку на квартиру наведалься и все оттуда бумажное вынес. Нет, можно окончить пару институтов и получить от рождения гениальность, но это не ко

мне. Я техник, и не самый плохой, могу этот самый прибор чинить и даже улучшить. Но почему и как он работает, не понимаю, и трогать боюсь.

– А показать его кому? Из вашего же института?

– Ты вообще слушаешь, что я рассказываю? Или в голове мозги отсутствуют? Это целая планета! Да всплывет такое, и через меня переступит кто угодно. Власти, бандиты, американская разведка и... Да кто угодно! Замочат и не поморщатся. Да на самом деле и жалко. Может, там бриллианты под ногами валяются?

– Или хищные динозавры бродят. Полезут на эту сторону и всех сожрут.

– Вот в этом и проблема. – Отец замялся.

– Ну-ну, колись уже до конца.

– На ту сторону пройти можно, но ничего нельзя пронести. Обратно тоже. Ситуация, как в «Терминаторе». Прибываешь в голом виде. Проверили.

Никита изумленно уставился на отца.

– А кто мне впаривал про бриллианты под ногами? – спросил он. – Какой тогда толк во всей этой лабуде? Что бы я там ни нашел, сюда это пронести нельзя. Ну, погуляю, а дальше что? Лучше иди в Нобелевский комитет, там хоть деньги реальные.

– Такой шанс выпадает раз в жизни. Не обязательно золото одно, знания тоже пригодятся. Может, тебе там так понравится, что возвращаться не захочешь. Если люди мотают

за границу, не зная, что их там ждет, и просто надеются на лучшее, почему не попробовать? Хуже не будет. Ты авантюрист или нет?

– На боюсь ловишь? Пользы-то от этой экскурсии ноль, а риск вполне вероятен. Бегать от тамошней полиции или саблезубого тигра особо не тянет, можно занятие и поинтереснее найти.

– Квартира.

– Что «квартира»? – не понял Никита.

– От Федора осталась квартира. У него денег не было, а работа совсем не на час, вот он сам и предложил. На меня по завещанию оформлена. Прямых родственников нет. Получишь или жилплощадь в личное пользование, или деньги после продажи.

– А ты его... не того? – почти не шутя, спросил Никита. – Прибор, да еще и деньги.

– Мне стыдно, – скорбно сказал отец, – что из тебя выросло.

Подумать обо мне такое! А ведь хороший мальчик был... в детстве.

– Ну, хорошо, проехали. А вот квартира... Хе, так с этого надо было начинать! Совсем другое дело. Я отрабатываю заказ, ты выплачиваешь гонорар. За приличные деньги можно и побегать в голом виде. Хотя на фиг деньги, собственная квартира гораздо интереснее. Мы все-таки люди не чужие, накалывать друг друга не будем, но давай оговорим условия.

Как я смогу вернуться и в какие сроки? Если меня там захотят скушать или на каторгу отправить? Действовать я буду по обстановке и не стану бегать советоваться постоянно. Но для гарантии каждые сутки ровно в полдень включаешь этот свой транспортер. В таком роде. Имеешь, что предложить?

— Квартира твоя в любом случае. Принесешь в клюве что-то интересное или нет... Сам на месте решай, что правильно. А здесь все равно должен кто-то остаться, чтобы включать переход. Автоматике в таком деле доверять нельзя. Вырубят свет, как на прошлой неделе, и останешься там навсегда.

— То есть в принципе договорились, — развалившись на стуле, подвел черту Никита. — А теперь объясни мне, что за странности? Человек ведь тоже материя, и он переносится, а одежда нет? Ну, вот пломба у меня в зубах, она вывалится?

— Если бы я сам понимал, — с сожалением сознался отец. — Да и Федор ничего подобного не ожидал. Вставные зубы его остались здесь при первой попытке. Одежда тоже. Ты думаешь, мы совсем дебилы? Натянул нормальный такой балахон, врачебный, что при инфекциях применяется. Тоже тут остался. Я пока сообразил и начал суетиться... Был он там буквально десяток секунд, мне так вообще показалось, что еще меньше, но это, скорее всего, от нервов, но вернулся, хоть и в голом виде, вполне самостоятельно, и никто за ним не гнался. На той стороне нормальный такой лесок: березки, осинки. Ничего экзотического. Он успел прихватить травинки, листок, а здесь их не оказалось. Федор еще и поэтому за-

дергался. Получается, рано радовался. Вроде открытие есть, а вроде и нет. Доказательств – пшик. Мы успели нормально поговорить, он собрался уже домой идти, потом ему плохо стало, и помер от банального инфаркта. Любые гарантии. Я все тщательно проверил. Очень нехилые бабки заплатил за вскрытие, пришлось одну не слишком законную работу делать. Будут теперь сигнализацию на машинах отключать на раз-два автоугонщики, но я ведь тоже хотел убедиться! Никаких отравлений или ядов в организме.

– Ладно, – подумав, отмахнулся Никита, – риск – благородное дело. Шампанское, и все такое... Даже если просто кому-то продавать этот твой прибор, лучше иметь представление о чудесах на той стороне. Будет звучать авторитетнее. И как это выглядит?

– Пойдем, – сказал отец и повел его к дверям кладовки. Раньше там складывали старые вещи, которые и выкинуть жалко, и оставить незачем. Вроде тазов для варки варенья. Отец этим никогда не занимался и забивал узкий шкаф всевозможными деталями и драными штанами, которые можно было надеть, отправляясь на природу. Теперь в помещении была абсолютная пустота. На полу нарисован белой краской не слишком ровный круг, и из специально установленной розетки, раньше ее не было, тянулся кабель. – Вот, – с гордостью сказал он, подкатывая тумбочку на колесиках, на которой стоял железный ящик с завлекательными кнопками. Вид у прибора был таинственный. Все спрятано под крыш-

ку от происков жадных шпионов. — Кабель вставляется сюда через трансформатор. Жрет это открытие столетия электричества, как свинья помой, — объяснял он, не замечая скептический взгляд, — ты становишься в круг, и я нажимаю на кнопку...

— Стоп! — с негодованием воскликнул я. — Ты что несешь, сказочник?! Впаривай тому, кто твои кривые круги на полу не видел! Дважды уже мотался, правда, понятия не имею куда, но вполне себе в одетом виде.

— Правильно, — подтвердил Никита, — первый раз Гагарин тоже в космосе не летал. Шмальнули его ракетой, один виток вокруг Земли, и упал. Потом уже болтались на орбите и даже в космос прогуляться выходили. Мы тоже на одном месте не стояли, это дело слегка подправили, как начали регулярно ходить и присматриваться, что использовать можно. Нашелся один умник, кое-что подсказал, так что теперь запросто можно и так. Украл — и не в тюрьму, а домой с кучей разного добра. Просто я честно рассказываю по порядку, и любопытно, заметишь по ходу одну тонкость или нет. Ну, я продолжаю?

— Давай, — разрешил я. — Завлекательно врешь.

Земля ощутимо ударила по ступням, и от толчка Никита невольно сел на голую задницу и чуть не взвыл, обнаружив под собой камешек с острыми краями. Раздраженно отшвырнул его в сторону и мысленно покрутил у виска паль-

цем. Почему правильные мысли всегда приходят в голову задним числом? Нет, риск – дело замечательное, но если бы он катапультировался со второго или, не дай бог, с пятого этажа? Так бы летел с веселыми криками вниз? А потом подпрыгивал вверх, пытаюсь попасть назад домой? Хотя... Вернулся же папашин приятель. И ноги у него были на месте. Короче, считай, пронесло.

Интересно, а разные Гагарины тоже себе не представляли, на что идут, или все-таки у них мозги были? Или не у них, а у остального коллектива... Вот это вряд ли. Знали, не знали. Командир приказал, полез первый космонавт в ракету, как миленький. Престиж Родины, возможность прославиться. Он хоть дурыю мается по своей инициативе и за материальные блага в виде трех комнат. Совсем не плохое дело. «А сколько там действительно комнат? – внезапно обеспокоился, озираясь по сторонам, – с чего это взял, что именно три? Да какая разница! Хоть одна, да собственная». Как и ожидалось, Никита стоял в самом обычном лесу. Явно не искусственный парк: деревья разновозрастные, растут как попало. Сухие ветки на земле, трава. С виду все вполне знакомое. Произносить с умным видом латинские названия он бы не смог при всем желании, но... березы как березы. Трава тоже вполне земная, и муравьи ползают. А вон там, на ветке, паутина. Еще и птички чирикают по соседству очень знакомо, хотя и не видно ни одной.

Где-то рядом, если прислушаться, журчит ручеек. Уже хо-

рошо. Без еды пару дней бродить нормально, без воды – серьезная проблема. Да и проще по течению идти, чем блуждать, неизвестно где. Потом и обратную дорогу не найти, а вот это уже не хотелось бы. Провести всю оставшуюся жизнь в диком лесу никогда не было его мечтой.

Вполне себе нормальный лес без признаков человеческого присутствия. Бутылки, газеты и окурки не валяются. Впрочем, неизвестно еще, читают ли здесь газеты местные аборигены и подозревают ли о наличии табака. Во всяком случае, насколько он помнил, не та природа, чтобы с ревом выскакивали из кустов разные Чужие с капающей с клыков кислотой. Уже приятно. А вот медведь может и вылезти, поинтересоваться гостем. Очень подходящий пейзаж, но Топтыгин осенью должен быть сытый. Скоро в спячку ложиться, просто так, без причины, напасать не должен.

Никита на всякий случай подобрал палку побольше, осмотрел ее с сомнением на предмет твердости и, положив рядом, начал собирать камни, складывая их в кучу. В лесах он бывал, но искать потом точное положение высадки лучше по приметам. Не сидеть же на месте бессмысленно, надо добывать информацию, цивилизацию искать.

Он старательно потрудился, навалив даже не одну пирамиду из камней, а три у деревьев. Безжалостно обломал ветки по всей поляне, так что не заметить было нельзя, и тщательно запомнил, как все выглядит. Еще раз подумал, что можно сделать, но за неимением топора или даже обычного

ножа ничего не придумал. Зарубки по пути делать нечем, а рассыпать крошки или лоскутки вешать на сучки, отмечая дорогу, хорошо только в сказках. Ему и взять-то их неоткуда. Куда идти, было совершенно без разницы. Вздыхнув, он три раз мысленно плюнул через плечо и зашагал, взяв направление на звук текущей воды.

Предварительно он хорошенько осмотрелся и, вместо того чтобы лезть через кусты напрямую, пошел по еле заметной тропке. К людям это точно отношения не имело. Такие приметы Никита знал. Если имеются животные, они регулярно ходят на водопой, и тропка проходит по наиболее удобному пути. Звери не любят создавать себе лишних проблем. Вот и сюда кто-то не сильно большой, вроде оленей, регулярно наведывается.

Гулять по лесу в голом виде – удовольствие ниже среднего. В другое время приятный прохладный ветерок, теперь же он создавал не слишком хорошие впечатления: пробегался по волосатой груди и пытался пролезть в совершенно неподобающие места. Без одежды Никита чувствовал себя крайне неудобно. Под ноги постоянно лезли камешки и разный мусор; пятки не дубленые, и приходилось хорошо смотреть, куда наступать. Помогало мало. Это только кажется, что кожа на ступнях грубая. Конечно, «умельцы» моментально бы сделали себе лапти, благо и коры сколько угодно, но Никита себя к таковым не относил. Таинственные умения валять валенки и плести лапти, как и шить рубашку и портки, как-

то раньше не требовались.

Тропка неожиданно свернула, и он, не раздумывая, последовал по ней. Нефиг проверять, что там дальше, звери просто так не петляют, может, впереди опасность имеется или овраг. Минут через десять он обнаружил искомый ручей. Присел и напился. Вода была холодная, до ломоты в зубах, и чистая. Анализ он не делал, но на вкус так и было.

Он поднялся, посмотрел по сторонам, сам не зная, что именно желает обнаружить, и побрел вдоль ручья, продолжая озираться. Ничего особо интересного не обнаруживалось. Вот это вроде ива, под ней – огромный валун. Здесь положено сидеть и грустить Аленушке. Судя по ее виду на картине, бедная девушка залетела и раздумывает, не пора ли топиться. Камень присутствовал, красавицы с косой не было. Ну, не очень-то и хотелось. Если вдруг вылезут из кустов разные русалки с лешими – это уже будет форменное издевательство хуже плотоядного динозавра.

Лес Никита не любил. Не боялся заблудиться, а именно не любил. После армии все время казалось, что где-то там в «зеленке» прячется враг. Вооруженный до зубов и имеющий самые неприятные намерения. В голом виде он чувствовал себя неловко и на серьезную драку не настроился. Все еще не мог привыкнуть к странной мысли о далекой планете. Слишком это все было похоже на Землю.

Хорошее место. Тихое. Природа опять же. Туристические экскурсии можно устраивать. Или, наоборот, выжи-

вальщиков тренировать. Обустроить небольшой промежуточный лагерь и запускать за плату. Тут тебе полный набор имеется, начиная с голой жопы и кончая возможностью отдохнуть от каменных джунглей в почти первозданных условиях.

Можно еще проще – спасти человечество от большого песка. Гарантированное выживание для части населения. Живи, как хочешь. Одна проблема: спасение части человечества повлечет за собой уничтожение всех остальных. Желаящие непременно обнаружатся. О! Выпихивать сюда всех уголовников. Вместо того чтобы кормить по тюрьмам. А сдохнут, не особо жалко.

Никита брел по лесу еще часа два и начал уже скучать. Деревья, кусты, безлюдье. Ничего интересного. Он насторожился, услышав тихие ритмичные звуки. Остановился и посмотрел внимательно в ту сторону, откуда они доносились. Ага! А вон и белка, все нормально. Потом дошло – это она шишку грызет. Сидит, смотрит, но не боится. Или с людьми не знакома, или они ее не трогают. А белка – это не только ценный мех, но еще и три-четыре килограмма калорийного продукта. Или меньше? Какая разница? Как живот напомним о себе, всерьез надо подумать об охоте, да и не нанимался он держать диету из ягод и подозрительного тростника, растущего по берегам.

От нечего делать Никита начал прикидывать, как выжить в лесу. Надо ведь и кушать. Самое простое – сделать лук.

Палку подходящую найти не проблема, а вот тетива – совсем другое дело. Лучше всего за неимением продуктов цивилизации из волос или жил. Обрезать ежик на голове, потом сплести – курам на смех. Можно еще из ниток сделать, да вот их-то и не имеется. Ни ткани, откуда достать можно, ни катушки. А жилы добыть, не иначе как завалив голыми руками оленя? Ау! Копытные травоядные, вы где? Страшный охотник Ник Новицкий на тропе войны.

Еще можно зайцами заняться. Совсем простое дело. На манер Чингачгука найти следы и прямо по ним к лежке прийти. Как там говорил мудрый охотник, якут Степан осьмнадцати лет, с которым вместе из котелка хлебали? Он скачет вроде бы прямо, но, не добежав до места пару десятков метров, разворачивается назад и бежит прямо по собственному следу, путая преследователя. Глупый охотник поворачивается спиной, и косой дает стрелача. Умный, увидев двойной след, настораживается и стреляет в беглеца. «Я, видимо, из пальца пальну. Во! Вспомнил! Заяц еще на свист может притормозить и оглянуться. Тут его и камнем можно приложить. Жаль, что я не якут. Зажил бы в здешних местах вольготно без налоговой и военкомата. Степану это раздолье наверняка бы понравилось. А вот мне город больше по сердцу. Магазины, пиво, девочки. Вережки со стиранным бельем, на крайняк. Сколько ж можно голым ходить? Вот где я здесь найду женский пол? Или готового поделиться кожаной курткой бандита?»

– Опа! – обрадовался он при виде неожиданного зрелища. – Тропинка натопанная. А вот это не иначе как причал! Доски вполне себе старые, привычного вида и не гнилые. Гвозди имеются с круглой шляпкой. Пахнет пилой, промышленностью и разумными существами. На творчество говорящих тараканов не похоже. Вполне себе должны быть существа с нормальными руками. И тропинка не иначе как к жилию. Так... Ушки на макушке, остороженько иду и, не вступая в контакт, присматриваюсь. Или попробовать предварительно разжиться гвоздями? Сотка – вещь хорошая, крючок рыболовный можно сделать, наконечник для стрелы и даже вместо заточки использовать. Мало ли какие проблемы впереди ждут...

Он присел и постучал по доскам, пытаясь прикинуть, какая хуже держится. Приколочено было на совесть, без инструмента такие длинные доски враз не сломать. Стало себя жалко. Неприспособленный какой-то, вроде и не домашний мальчик, но раньше таких проблем не возникало. Не приходилось ему начинать никогда с такого полного и абсолютно-го ноля. Даже в армии было хоть и паршивое, но снабжение. Да и проще там намного. Сразу понятно, с кем или чем дело имеешь.

Никита решительно встал, рыская взглядом по сторонам в поисках подходящего камня. Из-за поворота выбежали сразу три экземпляра местных туземцев: на двух ногах, соответствующее количество верхних конечностей, вполне нор-

мальные головы – и целенаправленно понеслись по направлению к нему. Убегать в лес было поздно, и чисто машинально он встал в позу защитника на футбольном поле. Руки прикрывают самое дорогое, морда непроизвольно угрюмая в ожидании неприятностей. Туземцы резко затормозили, уставились. Зрачок нормальный, ничего страшного.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что все трое одеты в одинаковые шорты и белые майки. На ногах сандалии. И если бы это было на Земле, он бы с уверенностью заявил, что туземцам лет по десять-двенадцать, не больше. Два брюнета и рыжий, ростом пониже, но с явным озорством на физиономии. На взрослых или карликов они никак не походили. Телосложение, лица – все вполне нормальное. Для подростков.

Никита с облегчением понял, что и атака была вовсе не атака: просто ребята бежали к причалу, не иначе как купаться, и его встретить не ожидали. Вот сейчас они заорут и резво понесутся назад, а страшного педофила в его лице начнет энергично ловить вся округа.

– Привет, – расплывшись в улыбке так, что рот стал до ушей, а веснушки, заляпавшие лицо, разъехались в стороны, сказал рыжий.

– Здравствуйте, – ответил Никита, стараясь сделать как можно более добродушное лицо.

– А что это ты здесь делаешь?

– Да вот, гуляю, – очень умно ответил Никита.

В голове у него что-то щелкнуло, и он с изумлением осознал, что беседуют они отнюдь не на иностранных языках, которых он вовсе не знал, если не считать позабывшегося школьного английского, а на нормальном, с детства известном русском.

«Ну, папа, – подумал со злорадством, – вот тебе и дальние планеты. Вернусь домой, придушу за это бесплатное путешествие в обнаженном виде по лесу. Нашел себе нудиста!»

– Без одежды? – прыснул пацан.

– Понимаете, – соображая, как объяснить ситуацию и при этом не спугнуть, начал выкручиваться Никита, не рассказывать же про то, что одежду унесло течением или про дурацкий телепортатор, – приятели – придурки. Мы поспорили, что сегодня можно из любого места добраться домой без проблем. Хоть в голом виде, – тут его понесло, уже без тормозов, – и даже никого не прося о помощи, разве что сами предложат. Ну, трепанул, как бывает, когда лишнее выпьешь. А они захотели приколоться. Раз сам сказал, в голом виде, так все и должно быть взаправду. А чтоб я не возникал, подсыпали чего-то снотворного. Просыпаюсь в лесу вот так... – Он хотел развести руками, но спохватился и опять прикрыл пах. – Рядом записка издевательская, и без понятия, где нахожусь. Вот и иду. А где это мы?

– Тут рядом интернат.

– «Северное сияние», – подал голос один из брюнетов. Нос у него был типично кавказский, да и лицо соответству-

ющее, но говорил без малейшего акцента. – А если пойти по тропинке, там дальше поворот направо и через пять километров поселок.

– «Березки» называется, – подтвердил рыжий. – Только там обычно никого не бывает. И, – он со смешком осмотрел Никиту с головы до ног, – наверное, неудобно так идти.

– Ага, – охотно согласился тот, – но уже легче. Теперь знаю, куда направляться. Очень неприятно, если не понимаешь, где находишься. Или тебе неделю по лесу идти, или за поворотом уже Москва.

– Ну, до нее далеко, – махнул рукой рыжий. – Километров триста. Никита в душе себе заплодировал. Не разведчик, но кое-что можем.

Прямо не спросил, мало ли как среагируют, может, они возле Владивостока находятся, но теперь уже и сомнений нет. Приключения практически закончились. Поймать попутку, и к вечеру дома. Первооткрыватель, блин. Гагарин! Был бы кто другой, а не отец, душу бы вытряс за такие штучки.

– Меня Ник зовут, – представился он. – На самом деле Никита, но друзья Ником кличут. А вам, ребята, спасибо.

– Я Серега, это Антон, – ткнув пальцем в кавказца, пояснил рыжий, – а этот, – про молчаливого, – Стен. Подожди, – он что-то шептал своим товарищам, и те, послушно кивнув, сорвались с места. – Сейчас принесут что-нибудь, – подмигнул Никите, объяснил он. – Обувь по размеру найти не

удастся, но штаны, мы знаем, где достать. Не будешь же ходить в таком виде. И не волнуйся, все честно. Ты нас не просил, мы сами предложили. На что хоть спорили?

– На желание, – стыдливо засмутился Никита, садясь на теплые доски. Мальчишка пристроился рядом. – Так интереснее. А у вас не будет проблем с вещами? – Рыжий небрежно отмахнулся. – Нет, я серьезно. Слышал я про порядки в таких детских домах. Вам же, наверное, и шлаться здесь не положено, а уж брать чужое... Приду домой, вышлю обратно. Адрес какой точно?

– Да все нормально. Это вроде спецодежды, как что надо грязное делать, никто и не заметит. А адрес, – он взглянул с недоумением, – обычный. Интернат «Северное сияние». Не надо присылать, тогда как раз и всплывет пропажа. А так... никому нет дела. Это ж не выходная одежда. Где грань проходит, мы прекрасно знаем, неприятности никому не нужны.

– Ну, как скажешь.

– А ты, – заинтересованно спросил рыжий, – из вольных будешь?

– Нет, – замотал головой Никита. Уточнять не хотелось, фиг его знает, что мальчишка имел в виду, а врать уже надоело.

– Просто когда ты сказал про выпили...

– Ну, бывает иногда, но не часто. Заехал к папе...

– И часто заходишь? – напряженным голосом спросил Серега.

– Когда раз в неделю, когда чаще, а что?

– Да так. Ничего.

Никита не поверил. Он не понимал, что его настораживает в поведении парнишки, но тот как-то странно реагировал на слова об отце. Уставился прямо в глаза и аж взъерошился. Хотя да, это ж детдомовские. Каждый мечтает про папу-космонавта, а сам прекрасно знает, что папаша сбежал, а мать – алкоголичка и была счастлива избавиться от ребенка. Все равно хотят нормальную семью и выдумывают кто во что горазд. А тут еще и на отшибе, посторонних видят раз в год. Вон и в поселке жителей почти не осталось. А и были бы... Великое счастье любоваться на очередных поддатых механизаторов и полуживых деда с бабкой. Молодые мотают в города. Там и выжить легче, и надежда заработать.

– А мать? – спросил рыжий.

– Так я с ней живу. Иногда как раз хочется свободы. Я уже давно не маленький, а ей все хочется меня контролировать. Куда пошел, когда вернешься? – Тут он понял, что его опять куда-то не туда понесло, уж очень задумчивая была физиономия у Сереги. – Ну, так всегда бывает, – неловко закончил, – что имеешь, не ценишь. – И попытался перевести разговор: – А как у вас жизнь?

– Нормально. Как везде.

– Э... – мучительно стараясь подобрать слова, чтобы не обидеть, замычал Никита.

– Почему нас трое, а не четверо? – «догадался» Серега. – Перевели Жорку в другое место. По тестам у него очень хорошие способности к математике подтвердились, а там специализированный.

Никита сообразил, что в комнате живут четверо. Вот с чего рыжий взял, что это всем известно, до него не дошло. Чем дальше, тем больше походило на то, что он чего-то серьезно не понимает.

– А воспитатели?

– У нас хороший Учитель, – с вызовом сказал пацан. – Если уж принял решение, то никогда не ошибается.

– Вряд ли он советовал одним бегать по лесу, – подколот собеседника Никита.

– Это лес? – возмутился мальчишка. – Практически парк, да и вернуться бегом – пять минут. Все сюда ходят. Старшие еще и по ночам. Думаешь, не знают? Ага, – он постучал кулаком по доскам пристани, – не первое поколение тайком бегают. Иногда учителя делают вид, что о чем-то не осведомлены, – с видом доверяющего страшную тайну пояснил он, – а сами всегда в курсе. Мальков моментально отлавливают. А нам как бы и можно. Только чтобы не видели. Психология!

Никита уважительно покивал, признавая правоту собеседника, и несколько минут они сидели молча, причем Серега непринужденно привалился к его боку. Станный все-таки пацан, в первый раз видит, а такое доверие. Не дурак же, должен соображать, что люди разные бывают.

С бодрым топотом прискакали добытчики и гордо вручили Никите серую рубаху с короткими рукавами в пятнах краски и обрезанные до колен, не менее старые брюки. Бывший владелец был, вероятно, толстым, и в них могли влезть полтора человека. Тем не менее, Никита рассыпался в благодарностях, торопливо натягивая на себя одежду. В дополнение ему вручили обрывок веревки, которым он с облегчением подпоясался. Уже не придется поддерживать руками спадающие штаны. Вот обуви не было, но и так прекрасно. Одевшись, он почувствовал, как мир заиграл новыми веселыми красками. Переться к людям с голым задом и не менее открытым передом не хотелось. Никто и не остановится подобрать странного типа. Был бы он симпатичной девушкой – другое дело. А то здоровый бугай.

– Кушать хочешь? – спросил кавказец.

Третий пацан все так же упорно молчал. Только хихикнул, когда Никита, повернувшись задом, натягивал брюки. Что смешного в голой жопе, Никита не знал и спрашивать не стал. Пусть себе веселится, будет вместо гонорара за труды.

– А есть? – обрадовался Никита. В животе призывно заурчало. – Руки вроде пустые.

– У нас все есть, – снова расплываясь в улыбке до ушей, заявил рыжий. Они одновременно с чернявым полезли в карманы и извлекли оттуда тюбики с зубной пастой. У Сереги был один и у брюнета – два.

Никита открыл было рот, чтобы выразить глубокое недо-

умение этой странной шуткой, и тут же захлопнул его снова. Рыжий постелил прямо на доски сорванный лист лопуха, отвинтил колпачок и начал выдавливать из тюбика желтую массу. Она зашипела, собираясь в комок. Через пару мгновений там лежала вполне нормальная сдобная булочка. Другой мальчик выдавил рядом свою пасту, потом добавил в миску из второго тюбика. Никита ошеломленно моргнул. Перед ним лежал среднего размера кусок хорошо прожаренного мяса, и запах от него шел соответствующий, никаких фокусов.

Внутри Никиты что-то оборвалось. Его бросило в жар, так что моментально выступил пот, потом в холод. Перед мысленным взором промелькнула машина, издевательски хлопающая ржавыми дверями, и показывающий средний палец водила. Автомобиль пронесся мимо него, одиноко стоящего у обочины с поднятой рукой, и удалился в неизвестную даль. Туда, где мерцают звезды и темный вакуум. Если и есть здесь Москва, то явно не та. Ни о чем подобном он не слышал и не читал. Это тебе не саморазогревающиеся консервы и даже не пища для космонавтов. Это хрен знает что!

– Ты чего? – с недоумением спросил Сергей.

– Я просто в восхищении, – осторожно взяв угощение, пояснил Никита. – Запах изумительный... Целый день без еды. Не так чтобы сильно оголодал, но завтрак и обед уже прошли мимо.

На вид булочка была как булочка. И на вкус тоже. Немного

не такой, имелся привкус, но хлеб, без сомнения. А вот мясо очень даже ничего.

– Большое вам спасибо, – сказал он, жуя и прислушиваясь к ощущениям. Желудок не возмущался, благосклонно принимая угощение. – Для себя брали?

– Ага, – подтвердил чернявый. – Нас хорошо кормят, но иногда хочется не по звонку. А ты голодный...

Никита благодарно закивал и продолжил есть, тщательно пережевывая, чтобы потянуть время на размышления. Он не сомневался, что отравить его не хотели. Слишком глупо. Но, получается, типа обычная пища со стола? Пацан же не сказал, купили или сперли – взяли. Интересные дела. В какой занимательной книге надо было бы срочно выяснять технологию производства, но если бумаги с собой протащить домой на родную Землю нельзя и запомнить кучу формул он не в состоянии, то какой смысл суетиться? Он и не сомневался, что ни черта не поймет даже в нормальных пояснениях. Пока что это любопытно, но совершенно не дело первой необходимости. Это получается, не другие миры за тридевять парсеков, а параллельные? Язык русский, но жизнь совершенно другая. Если пища из тюбиков, то точно не родная страна с ее консервами «Тушеное мясо» и «Килька в томатном соусе». Что-то он такое читал. Азимов или Ефремов... Нет, вроде кто-то из америкосов. С какого-то момента жизнь идет по-другому. Сталин помер раньше, или Николая японский городового насмерть приголубил. Мир разделяется, и незамет-

но один для другого начинают существовать уже два несходных варианта. Неплохо. Есть шанс разобраться, что происходит.

«Хорош бы я был, если бы вокруг был сплошной Китай. И объясниться никак, и рожа за километр видна. А так пока ничего особенного не видел. Хотя я вообще пока ничего не видел. Вывод? Один уже понятен. Совершенно спокойная реакция на голого мужика объясняется отсутствием педофилов в природе. И этих... эксбиционистов. Или как там правильно называются придурки, что демонстрируют свои прелести и от этого кайф ловят. Или всех излечили, или посадили. Это приятно. Не то чтобы когда попадались, но сама мысль о подобных типах вызывала брезгливость.

А что еще отсутствует или присутствует? Милиция с большими бластерами наперевес, истребляющая антисоциальных типов направо и налево пачками, имеется? Как бы не нарваться, по недоразумению. Задавать вопросы пацанам не хочется. Дети мигом почуют неладное. Может, у них Павлики Морозовы в цене? Так... Что я говорил? Вроде ничего особенного. Что-то там неладное с родителями, но пронесло. По второму разу нарваться не стоит. Что ж делать-то дальше? А! Они говорили про поселок пустой. Вот и схожу на экскурсию. Все лучше, чем наобум переться в подозрительную Москву. Вот так и сделаю, – вытирая рот и вставая, подумал Никита. – А если что, всегда смогу вернуться и подождать старых знакомых. Ну, рискованный идиот, играем даль-

me!»

Глава 3. Успешное вживание

Поселок оказался вовсе не деревней и очень походил на дачи для не бедных людей. Домики, совсем не маленькие, построены в псевдорусском стиле. Бревна даже не очень почерневшие от времени. Резные оконные наличники, крылечки, как в фильмах про кулаков. Заборы вот подкачали. Они хоть и присутствовали, но ничего внутри не скрывали. Штакетины метра в полтора высотой, и широкие щели. Никаких хозяйственных построек, только почему-то отдельно стоящий на отшибе, хорошо знакомый российскому гражданину деревенский туалет. В остальных дворах этого необходимого строения не наблюдалось.

Никита долго выжидал, но никакого шевеления не обнаружил. Полное отсутствие собак, бродящих без присмотра свиней и курей. Странно это выглядело со стороны: будто бы построили два десятка домов, посмотрели и ушли по своим делам. Следов от машин, между прочим, тоже не было, а вот асфальт, причем не разбитый, на улице имелся. Для чего и почему, Никита не понял. Начинался у околицы и обрывался у небольшого озера. Там тоже имелся причал и в дополнение две лодки с веслами. Если и были хозяева, спрятать инвентарь они не удосужились.

Уже не таясь, Никита направился к ближайшему дому. Окна стеклянные, выдавить не проблема. Будет база ка-

кая-никакая, а заодно и осмотрится. Сигнализации быть не должно. Пацаны прекрасно знают, что это, но очень удивились подобному предположению про поселок. Воров у них, видимо, тоже не бывает. Станный мир. Как бы всех подозрительных типов моментально в расход не пускали...

А полазить по домам, безусловно, все равно стоит. Даже на дачах есть куча вещей, по которым что-то можно понять. Люди бросают старые шмотки, газеты, книги и забывают про них. В озере, очень похоже, водится рыба, а на приличной даче бывает погреб с разносолами. Будем надеяться, прокормиться удастся. Не хотелось бы без веской причины беспокоить детдомовских. И так они прощались очень нервно. Неладно что-то в этом коллективе, где им вроде бы прекрасно живется, если первый попавшийся парень моментально чуть в лучшего друга не превратился.

Плохо не в смысле мордобоя или еще каких ужасов, этого как раз нет. На осторожные вопросы они только удивлялись и пожимали плечами. Просто ощущение, что им не хватает внимания. Кормят, поят, учат и правильно воспитывают, но по обязанности и инструкции. От сих до сих. Положено столько-то килокалорий, часов занятий... Сменить порванные сандалии – сменят. Нет – сам виноват. А кто не сдает эти самые тесты физические или интеллектуальные, может запросто загнать в другой интернат. Не в зону, упаси бог, но что-то там связанное с взрослой жизнью. Потом труднее пробиваться. Толком он не разобрался, а углубляться опа-

сался, чтобы не показать полное непонимание общепринятых правил.

Асфальт оказался вовсе и не асфальтом. Очень странное покрытие, ничего Никите не говорящее. Темный цвет, шершавая поверхность, но больше смахивает на пластик. Ковырять образец он не стал, все равно химической лаборатории под рукой не имеется. Так и потопал по теплой пыли к ближайшему дому. Тоже странное дело – ни мусора, ни грязи, во дворах с виду все в полном порядке, никаких дворников, мусорных баков не наблюдается. Вообще, каким местом они с отцом думали, когда рассчитывали что-то интересное обнаружить? Спалился бы он мгновенно при встрече с аборигенами. Тут с нормальным русским языком ни фига не поймешь. А если бы вместо всеобщего безлюдья оказался в городском парке? М-да... Папе надо в другой раз предложить выпить предварительно успокоительного и хорошо выспаться.

– Молодой человек, – сказал мужской голос, – можно вас на минуту?

Никита вздрогнул от неожиданности и повернулся. На крыльце особняка стоял невысокий человек. Уже седой, на первый взгляд, лет шестидесяти, но крепкий, и приветливо улыбался. Одет он был вполне по-дачному: в старую застиранную рубаху и треники. На ногах ботинки, не иначе фабрики «Красный треугольник». Все насквозь знакомое и от этого еще более подозрительное.

«Да, – мысленно порадовался Никита, – разведчик из меня получился классный. Чего дурыю маялся, старательно изучая местность? Надо было сразу переться вперед без раздумий. Все равно самого важного и не обнаружил. Люди тут, оказывается, есть. Вот сейчас и пообщаемся».

– Конечно! – демонстрируя в ответ все зубы, так что от улыбки челюсть свело, воскликнул он счастливым голосом, сворачивая к дедуле. – Вам чем-нибудь помочь?

– Ну, не так чтобы очень, – протягивая руку, сказал мужчина. Никита старательно пожал крепкую ладонь с мозолями, возрадовавшись, что хоть с этим не будет недоразумений, могли ведь и кричать при знакомстве что-то вроде «Рот фронт!», – но я здесь давно один, а вы только что пришли, так что можем оказаться друг другу полезными. Александр Павлович, можно дядя Саша, – представился он.

– Очень приятно, – усилием воли сдержав желание шаркнуть босой ногой и изобразить поклон, вежливо ответил Никита. – А я Ник. Говорят, на озере хорошая рыбалка.

– А так себе. Разве что для релаксации. Рыба здесь есть, но рыбаков не уважает. Вот если предел желаний посидеть с раннего утра на бережку, то нормально. А мне скучно этим заниматься. А ты порыбачить пришел?

– Да нет... Я так... Проверяю возможность выживания на подножном корму.

– А, из вольных будешь! – воскликнул Александр Павлович.

Никита второй раз за сегодня услышал это слово и на всякий случай промолчал.

– Так это прекрасно! Значит, руками работать должен уметь. Не ошибся я, – довольно приговаривал дед, увлекая Никиту во двор. Шел он, слегка припадая на левую ногу, но не особо заметно. – Вот, – с гордостью проинформировал Александр Павлович, показывая на несколько длинных ровных грядок. Я тоже, как на пенсию вышел, нашел себе занятие по душе. Картошку выращиваю!

До Никиты не дошел пафос заявления. Ну, картошка. Великое дело. Практически каждый его знакомый, имеющий дачный участок, что-то там выращивал. Мать тоже попыталась в свое время, и усилия, потраченные на ловлю колорадских жуков, пропали совершенно бездарно. Урожай вышел в два раза меньше от посаженного, и мелкая вся, до ужаса. Все-таки приезжать на огород требовалось чаще, чем раз в неделю на выходные.

Местная зелень тоже не больно поражала своим видом. Чахлая какая-то, хотя и видно, что за ней ухаживают. Тоже себе нашел дед великого специалиста по сельскому хозяйству! Вот на черта в некоторых местах торчат деревянные колышки, Никита абсолютно не представлял.

– Это наиболее удачные образцы, – пояснил дед, – специально отмечаю, потом отберу отдельно на семена.

– Я что вслух спросил?

– Это бывает, когда долго с людьми не разговариваешь.

Пересташь замечать.

«Слава богу, хоть мысли не читает», – с облегчением подумал Никита.

– Я вот когда работал, тоже слишком много говорил, вокруг сплошные механизмы, пообщаться не с кем, вот и начинаешь даже с киберуборщиком беседовать. Вот так идешь по цеху и спрашиваешь: «А как провел ночь? Не скучал без меня?» или «Что у вас болит, уважаемый станок?». Некоторые все время на работе музыку слушают или там новости с аудиопостановками, но это неудобно. И отвлекает, есть шанс упустить что-то важное в поломке, и глупо еще и на работе все четыре часа тратить на то, что и дома имеется.

«Нехило здесь работают, – восхитился Никита, – в натуре коммунизм. Половина нормального рабочего дня, и такие хоромы на пенсии. Вот только поговорить дядя Саша большой любитель, и неудивительно.

Здесь благодарных слушателей, как и в его цеху, не наблюдается. Не удивлюсь, если я первый».

– Это ведь не обычная картошка из линии доставки, – вещал между тем хозяин.

«Очередная непонятная хрень, – затосковал Никита. – Автолавка что ли ездит с заказами? И ведь не спросишь. Каждый нормальный житель планеты наверняка знает».

– Я уже второй год лучшие образцы отбираю и потом снова высаживаю. Все, что похуже, сам и ем. – Александр

Павлович гордо посмотрел на Никиту, и тот на всякий случай изобразил максимальное уважение, закатив глаза. В чем причина гордости, до него опять не дошло. И почему он не супермен, ловящий смысл с одного намека? – До следующего урожая хватает. И все своими руками! Посадка, удобрение, прополка, обработка ботвы раствором двойного суперфосфата в тридцатипроцентной концентрации...

– А это зачем? – показывая, что внимательно слушает, поинтересовался Никита.

– А как же, Ник, – с явным удовольствием, что может просветить собеседника, отозвался дядя Саша и начал чесать как по писаному: – Метод прекращает рост стеблей, конкурентноспособность ботвы снижается, а растущих клубней – повышается, усиливается отток продуктов фотосинтеза из ботвы в клубни. Сразу заметно по увеличению размеров. Я первоначально даже сравнивал. Одну грядку обработаю, другую нет. В клубнях увеличивается содержание крахмала и белка, а доля нитратов и различных солей тяжелых металлов снижается до уровней, безопасных для здоровья человека. И вкуснее тоже. Обладая более прочной кожурой на момент уборки, клубни меньше травмируются, урожай повышается на пятнадцать- двадцать пять процентов, снижается степень поражения ботвы фитофторой и ризоктонией, замедляется скорость распространения вируса X, снижается поражаемость клубней паршой обыкновенной.

«Ужас, – подумал Никита. – Еще и парша какая-то. Это

исключительно здешняя проблема, или наши колхозники с нею тоже боролись? Вернусь, непременно проверю. А то, может, они на базаре продают горожанам с этой самой... ризоктонией. Про нитраты слышал, колорадских жуков видел, а эти гадости – для меня изрядные новости. Интересно, долго дед сможет продолжать в том же духе? – через несколько минут, прикинул Никита, краем уха прислушиваясь к не интересной ему лекции. – Это ж не человек, а клад. Поет как соловей, знай поддакивай и задавай наводящие вопросы. Что бы ему ни надо было, я с великим удовольствием. Посидим, покалякаем. Нет, братъ языка хорошо во фронтовой обстановке, а такого доверчивого и открытого мужичка обижать не стоит. Буду действовать в лучших традициях русского народа. Терпение, терпение и еще раз терпение. Пусть себе болтает, надо уши пошире развесить и поменьше рот открывать. Может, что интересное проскочит. Надеюсь, как положено хорошему хозяину, накормит, напоит и спать уложит».

Дядя Саша продолжал заливаться, излагая свои взгляды на преимущества естественных удобрений перед химическими. Насколько Никита был способен понять, разница заключалась все больше в цене, а она здесь роли не играла. Продавать продукт хозяин не собирался.

– Так в чем проблема? – терпеливо дождавшись окончания саги о количестве удобрений, необходимых для почвы, и преимуществе навоза обыкновенного перед химическими

добавками и даже биологическими, спросил он.

– В сводке погоды обещали ранние заморозки. Надо срочно все убрать, пока урожай не пострадал, – смущенно объяснил дядя Саша, – а у меня как на грех нога разболелась. Не могу долго в согнутом состоянии.

– Какие проблемы! – бодро заявил Никита. – Времени у меня навалом. Конечно, помогу.

– Потом еще требуется все просушить, – смущенно уточнил хозяин, – и отнести в дом.

– И это нам по силам. Все будет в самом лучшем виде! Ведро и лопату предоставьте. А потом душ, желательно с горячей водой, и кормежку для работника. – Про деньги он заикаться не стал, не в батраки нанимается, чисто помочь хорошему человеку. Да и неизвестно, что за цены в этом странном государстве.

Очень довольный, дядя Саша, прихрамывая, поскакал за орудиями труда, а Никита прикинул объем работ. Пожалуй, до темноты не управиться, но это и к лучшему. Пусть дед привыкает к его присутствию. Если уж такая пруха с легальной ночевкой и не требуется вламываться в особняк, надо осмотреться. Тяжело все-таки, ни хрена не понимая, делать правильное выражение лица. Ну что за счастье в этой несчастной картошке, что дед так возбуждается? Тут и на одного едва-едва, а на голодающего дядя Саша ничуть не похож. Хобби? Так выращивал бы цветы. Неприятно чувствовать себя идиотом, хлопающим глазами на непонятные

странности. «Ничего – прорвемся. Мне, в конце концов, не в ставку здешнего главнокомандующего внедряться. За бесплатную информацию не жалко и повкалывать слегка».

Никита вышел на крыльцо. Ночью прошел дождь, и кругом стояли лужи. Слава богу, с огородными делами закончили, но бегать по грязи, как он сначала собирался, как-то не тянуло. Он упал прямо на доски, не спускаясь вниз, и начал отжиматься. Для начала полсотни, потом на пальцах. Мышцы с непривычки ныли, и размяться стоило.

Ночью ему приснился кошмар. Это бывало нечасто, но случалось. Бородатые скалящиеся рожи, по которым он палил короткими очередями, оружий команды лейтенант. Гранатометчик, стреляющий с колена. В жизни он тоже не успел и завалил его лейтенант, граната разорвалась в стороне – не то ехать бы Никите домой закрытом гробу. Во сне все возвращалось, и он пытался снова и снова уничтожить врага, и автомат бессильно щелкал, закончились патроны в обойме. Что-то еще мелькало, но уже не помнилось, и это, скорее всего, к лучшему. Давно его эти «радости» не посещали, но обычно после подобных снов впереди ждали перемены. Не обязательно плохие, но пока не произойдет, и не узнаешь.

Дядя Саша оказался настоящим кладом. Рот у него не закрывался, разве что на время сна, и картина окружающей жизни слегка прояснялась. Без особых подробностей, но стало легче и гораздо занимательнее.

Здесь в натуре построили коммунизм. Объединенным человечеством руководит Всемирный Совет, но он занимается исключительно глобальным планированием. Для решения мелких проблем существуют местные, региональные и производственные Советы. Последнее что-то вроде профсоюзов, только с гораздо большими правами. В принципе, это не особо и важно, главное, что если не считать всяких сложных и невероятно важных дел, в которых Никита толком ничего не понял, он таких слов типа «энтропия эмоционального искусства» раньше-то и не слышал.

Трудились здесь все больше многочисленные роботы. Они убирались в домах и на улицах, стирали, таскали тяжести и делали еще массу дел по обслуживанию. Обычно небольшие по размеру, подзаряжались и от сети, и от солнечных батарей или перерабатывали мусор. На свалку уже вывозить не требовалось. При необходимости самостоятельно меняли ноги на соответствующие манипуляторы. Потребовался скребок – будет. Появилась необходимость в граблях – приспособят без проблем. Нужно сохранить что-то вроде кучи навоза, привезенного на удобрение, сообщаем роботу. Никаких проблем, все понимает. Почему столь «ответственное» дело, как уборка картошки, им доверить было нельзя, Никита так и не понял: судя по монологам дяди Саши такая работа не ценилась в глазах окружающих – производить продукцию исключительно собственными руками. Очень странное поведение вроде бы нормального человека, но категорически отказыва-

ющегося применять существующие инструменты.

Выпускали роботов тысячами на самопрограммирующихся и самовоспроизводящихся заводах по мере необходимости. Такие техники- инженеры, как дядя Саша, существовали больше для проформы: мелкий контроль эффективности и правильности выполнения планов, замена поломанных деталей сразу блоками. Ничего сложного, и достаточно нудно и скучно. Вчера имел он счастье наблюдать, как один такой многосуставчатый, смахивающий на паука старательно жрал ботву и прочий «мусор» вроде картофельной кожуры. По идее, с другой стороны у него должно вылезать нечто полезное, однако результата он не дождался. Не очень-то и хотелось.

Никита продемонстрировал класс, доказав, как умеет трудиться без автоматов и роботов не только в огороде. Он пожарил на подсолнечном масле картошку. Для этого дела дядя Саша извлек газовую плитку. Питались здесь, может, и калорийно, но все больше разогревая в электропечке полуфабрикаты или из тех самых тюбиков. Оказалось, синтетика, а сейчас в моду входили исключительно натуральные продукты. Вот на этой почве и всплыло объяснение, кто такие вольные.

Все были обеспечены материально. То есть машин в собственности или там еще чего сложного как раз и не было. Если требовалось, просто вызываешь общественный транспорт. Зачем автомобиль, если по первой просьбе за тобой

заедет автоматическое такси или прилетит вертолет? Можно даже, не вылезая из дома, общаться на разных семинарах, получать необходимые знания из общепланетной справочной. Вроде бы замечательно, но люди – очень странные существа. Сколько ни дай, им все мало. А если много даешь, они морду кривят и отпихивают.

Возникло целое движение, стремящееся работать именно собственными руками. Они селились подальше от остальных и начинали разводить коров или пахать и сеять без помощи надоедливых роботов. Были упертые настолько, что перешли на полное самообеспечение, но были и вроде дяди Саши: больше для собственного удовольствия, от нечего делать.

Выяснилось еще кое-что. Деду было вовсе не под семьдесят, а хорошо за сто. На дворе был не то конец двадцать второго века, не то начало двадцать третьего. Спрашивать конкретную дату Никита побоялся. Можно, проживая в деревне, не знать, что такое кибер-дворник, но не знать, какой год, – это идиотизм. Инфекционными болезнями местные жители практически не болели, про это дядя Саша сказал, как про само собой разумеющееся, и Никита в очередной раз не стал углубляться в тему. Заодно мимоходом ему пояснили, что у каждого чуть ли не при рождении берут образцы тканей и крови и хранят в специальных генетических банках. При необходимости элементарно выращивается нужный орган для пересадки. Вообще по некоторым фра-

зам можно было предположить, что генетики хорошо покопались в человеческом организме.

Попытка Никиты установить, что это за параллельная Земля и в чем отличие здешней истории от родной, с треском провалилась. С прошлым был полный швах. Дядя Саша очень смутно представлял, что было до его повседневного коммунизма. Из школьного курса сохранились неясные воспоминания о тоталитаризме, империализме, экстремизме, терроризме. Давно, и неинтересно. Вторая мировая война вроде была, но подробности в памяти не сохранились. А вот Интернета у деда не оказалось. Для общения со знакомыми использовался радиотелефон, а огромный, во всю стену, трехмерный телевизор за время пребывания Никиты в гостях ни разу не включался. Хозяин предпочитал заниматься чем угодно, только не просмотром новейших фильмов, а Никита постоянно терся рядом, помогая в домашних, очень важных, делах вроде переборки картошки и починки забора и слушая очередную сагу про жизнь Александра Павловича и успехи его сына, который занимался чем-то очень интересным на дне Тихого океана. Про внуков почему-то речь не заходила.

Дверь открылась, и хозяин, позевывая, выглянул наружу.

– А, – довольно сказал он, – ты уже встал. Это хорошо. Не забыл, я сегодня в Москву?

– А можно и мне? – поднимаясь, поинтересовался Никита. – Высадишь где-нибудь у музея?

– Конечно, – даже обиделся дядя Саша. – Что мне, сложно? Да и сам мог бы...

«Конечно, мог, – подумал Никита, – и всего-то надо на пульте номер набрать. Уж не знаю, это паспорт или социальная страховка, но потом палец нужно приложить для сканирования в специальное окошко. Без этого запрос не удовлетворяют. А вот как раз моих отпечатков в базе данных и не имеется. Есть вариант, кому-нибудь палец просто отрезать, но я ж не убивец какой, к чему такие крайности. Проще попросить подбросить до места».

Они, кстати, летали на другие планеты. Как и все остальное, всплыло в бесконечных монологах гостеприимного деда. А музей назывался «Внеземные культуры», что невольно наводило на мысль о разумных инопланетянах. Ведь создать свои собственные культуры за сотню лет полетов максимум было бы проблематично. Крайне любопытно посмотреть, есть хотя бы в параллельных Вселенных разумные тараканы или нет. Насколько он помнил из разных фантастов, инопланетяне вечно норовили оккупировать Землю и загнать ее население. Тут этого не наблюдалось, значит, все должно быть наоборот, но вот как в таком случае быть с коммунистической моралью? Наверное, добрые земляне несут свет просвещения туземцам. Вроде как в Афгане. Раньше было бремя белого человека нести культуру и цивилизацию отсталым народам, потом строили социализм, пока туземцы не озверели. Они в чужих придумках абсолютно не нужда-

лись. Ни в западной культуре, ни в советских прогрессивных идеях.

Ярко-красный двухместный вертолет прибыл через час, когда Никита уже успел помыться в душе и наскоро перекусить очередным полуфабрикатом, приготовленным хозяином. При всей своей многоречивости тот был не дурак и быстро сообразил, что кухонный агрегат Никите незнаком. Даже мягко пытался выяснить, из какой сельской общины вольных он происходит и почему оттуда ушел, но Никита сделал вид, что намеков не понимает. В лоб спрашивать, видимо, постеснялся. Хороший человек, даже жаль обманывать.

Они прошли к воздушному транспорту, дядя Саша без особого напряжения и, не нуждаясь в лестнице, пролез в кабину. Никита ухватился за край люка и невольно отдернул руку. С виду это действительно был самый обычный вертолет. Что он, в Чечне не летал? Но вот на ощупь было неприятное ощущение чего-то живого. Совсем не металл.

– Ты чего? – с недоумением спросил дядя Саша, устраиваясь в кресле.

– Все в порядке, – вымучивая из себя улыбку, ответил Никита и одним прыжком поднялся в кабину, стараясь лишний раз не касаться обшивки.

– А! – понял дед. – Я тоже не люблю. Механизм – это одно, полуживой или живой... как-то неприятно поначалу. Потом привыкаешь. – Говоря, он давал указания, куда лететь, увеличивая на экране карту и комментируя маршрут. – Сначала

в музей, потом по моим делам. Собираешься вернуться?

– Я сам пока не знаю, – честно признался Никита. – Осмотрюсь, а если что, позвоню по радиотелефону.

– Номер-то помнишь?

– Записал.

Радиотелефоны были совершенно бесплатные и не требовали номера и отпечатков пальца. Просто до сих пор ему называть было некуда и незачем.

– Не стесняйся, – строго сказал дядя Саша, – в первый раз город сильно по мозгам бьет. Очень много разной информации. Совсем не обязательно все за один раз.

Никита послушно кивнул. На покровительственный тон он не обижался, прекрасно понимая, как со стороны могло смотреться его недоумение по поводу электропечки или шурующих по двору многоногих уборщиков. Парень вылез из таящего угла, где живут при лучине и не имеют понятия про культуру и цивилизацию.

Огромный квадрат облицованного мрамором здания был виден издалека. В окошко вертолета Никита внимательно разглядывал проплывающую внизу местность. Москва была мало на себя похожа: никаких высотных зданий, сплошные парковые зоны с редким вкраплением красных и белых крыш, на улицах почти нет движения. Иногда только мелькнут люди или велосипедисты, да в одном месте вроде бы стояли грузовики. На этом фоне огромный комплекс в несколь-

ко этажей был прекрасно замечен.

На разной высоте в несколько эшелонов над городом двигались вертолеты и какие-то машущие крыльями, как птицы, машины, рассчитанные на одного-двух пассажиров. Вот вертолеты были самые разнообразные. Огромные, с прицепленными снаружи крупногабаритными грузами – всегда по нижней трассе. Пробок не наблюдалось, лихачей тоже. В районе города почти все шли на автоматике за неимением светофоров.

Со стоянки, где дядя Саша его высадил, была видна громадная толпа народа. Чем ближе Никита подходил, тем более узнавал ситуацию. Очередь. Оказывается, и при коммунизме ничего не изменилось. Все дружно приперлись с утра пораньше, а двери никак не откроют. Торопиться-то некуда, не за зарплату работают.

Вблизи оказалось еще хуже. Из динамика, установленного над мощными деревянными воротами, обитыми полосами железа, так что и не понять, не ожидают ли работники музея штурма с применением таранов и прочей осадной техники, разносился грустный женский голос. Он вещал о временном закрытии, нес чушь про реставрацию, смену экспозиции и улучшение обслуживания. Как будто все сразу энтузиасты кинулись реставрировать и менять, по частям никак не получается. Фразы повторялись дословно и начинались снова сразу с окончанием последней. Говорил явно не человек, а автомат, хотя интонации были вполне человеческие. Скорее

всего, обычный автоответчик.

Толпа собравшихся ничем не отличалась от хорошо знакомых Никите обманутых в своих ожиданиях людей. Типичная компания явившихся со своими бумажками к конторе «МММ» и выяснивших, что отныне выплат не будет. Сначала тупое изумление, потом крики, переходящие в вопли, очередная стадия – жалобы в правительство и попытка прорваться в помещение, сметая все на своем пути. Психология человека за век с лишним ничуть не изменилась. Никита встал в стороне, с интересом прислушиваясь к разговорам.

Люди были самые разные. Одни, туристы, приехали на экскурсию, другие являлись научными работниками, которым до зарезу требовалось именно сегодня поработать с экспонатами, им абсолютно не было дела до забот музейных сотрудников. Из возмущенных воплей было легко понять, что заявку в таких случаях полагалось подавать за день. Доступ получали исключительно после разрешения. Мало ли, часть экспонатов неизвестного назначения, а часть и вовсе признана потенциально опасной. Не каждому доверят. Теперь следовало начинать процедуру с самого начала. Как минимум день-два потеряны, да еще никто не даст гарантию, что музей завтра откроется.

Тут же стояла кучка хихикающих подростков во главе с растерянными воспитателями. Эти прибыли на трудовую практику и, совершенно не расстроенные задержкой, норо-

вили расползтись во все стороны. Взрослые периодически отвлекались от спора, куда отправить подопечных ради общественно полезного труда, чтобы успокоить особо разошедшихся или поймать пытающихся смыться без разрешения.

Зрелище было любопытное. Никита разжился у дяди Саши нормальной одеждой – рубашка, штаны, сандалии. Все не слишком новое, но чистое и по размеру. Он считал, что уже не так похож на чучело огородное, но сейчас понял, что зря старался. Даже если бы он прибыл в своем первоначальном виде, то есть голым, никто бы и бровью не повел. Если ученики и часть взрослых, относящихся к группе желающих ударно потрудиться, были одеты похоже – белый верх, темный низ, то туристы демонстрировали лучшие образцы направления хиппи. Или шизоидные заскоки на манер продвинутых абстракционистов. Все очень постарались выразить свой глубокий индивидуальный мир. Разноцветные гребни все форм на головах, раскрашенные лица и тела. У одного на бритой голове красовался татуированный паук огромных размеров, у другого – золотое кольцо в носу. Куда там быкам! У тех размер куда меньше. За такое колечко можно немало получить в скупке.

Одежда всех видов и расцветок. Какая-то девушка явилась во фраке поверх едва заметного купальника, другая – в облегающем платье, менявшем цвета под окружающую обстановку, так что иногда казалось, что она абсолютно голая.

Наиболее прилично смотрелся древнегреческий хитон с талией под грудью, которая была выставлена на всеобщее обозрение. Хитон доходил до колен, и на ногах у девицы были вполне узнаваемые сапоги из замшевой кожи. Что-то в этом роде было у матери Никиты. При этом короткие волосы хозяйки торчали во все стороны и были очень тщательно выкрашены во все цвета радуги. Каждая прядка в свой неповторимый оттенок. Должно быть, надо было убить на это не один час.

Никита проникся сознанием, что он вахлак деревенский, не сознающий, как правильно одеваться. И уж совсем не соображающий, как краситься. Слабонервные товарищи в его родном мире, встретив кого-то из присутствующих в темном переулке, запросто приняли бы его за вампира, жаждущего крови. Лицо бледное до прозрачности, глаза красные, и одежда как бы не из девятнадцатого века.

– Раз все равно нам удовольствие обломали... – громко сказала «гречанка» и ловко пнула сапожком маленького робота – сборщика мусора. Под одобрительное ржание тот отлетел в сторону и, перевернувшись, жалобно задергал многочисленными ножками. – ...Предлагаю всей компанией отметить столь обидное событие! Приглашаю в гости!

Молодежь довольно загудела и, перестав стучать ногами в ворота музея, дружно направилась на стоянку.

– Жалобу напишем, – проходя мимо Никиты, заявил по-

тенциальный вампир с красными глазами. Щеки у него были румяные от природы, а не накрашенные, явно уже кровушки распробовал.

– Коллективную! – поддержал его с пауком на голове.

– А ты что стоишь? – непринужденно спросила «гречанка». – Пойдем! – Она ухватила Никиту за руку и потянула. Спротивляться было глупо, и он послушно последовал за ней. Отпускать его она не собиралась. Девушка при ближайшем рассмотрении оказалась очень ничего. Лет девятнадцать-двадцать, хотя после дяди Саши он зарекся давать такие оценки, могла оказаться и старше. На голову ниже его, высокие скулы, вздернутый носик, большие глаза и пухлые губы.

– Меня Ник зовут, – сообщил он.

– А меня Лиза, – охотно представилась она. – Все в большой шахматный! – закричала, имея в виду транспортный вертолет, раскрашенный в крупную черно-белую клетку.

Набились они туда как сельди в бочку, и транспорт поднялся с жалобными стонами. Не хуже российских автобусов в час пик.

– Не перегрузили? – озабоченно спросил мужской голос.

– Я отключил автомат, – ответил другой.

Никита деликатно придерживал девушку, пытаясь своим телом прикрыть от навалившихся соседей. В бок ему ощутимо воткнулись чем-то твердым, а на спине непринужденно разлеглась явно женская особь. Он прекрасно чувствовал,

как впечатляющие округлости упираются прямо в лопатки, но лучше уж так, чем кто-то с мужскими интересами. Кто их знает, этих коммунаров, глядишь, здесь любители мальчиков стаями ходят, и это считается нормальным. Представления об их глубокой духовности, почерпнутые из детских книжек, явно нуждались в проверке. Хотя... у Ефремова тоже голышом бегали и танцевали эротические танцы.

Вертолет наклонился при посадке и под дружный визг съезжающих вперед пассажиров тяжело ударился о землю. Все-таки на такой вес он не был рассчитан, и посадка вышла жесткой.

Никита спрыгнул из люка и подал руку девушке. Она без особых раздумий, не предупреждая, просто прыгнула на него, так что едва успел подхватить. На ощупь тоже ничего, с интересом отметил он и, не ставя Лизу на ноги, понес в сторону дома, куда уже с гомоном шагали остальные. Девушка устроилась удобно, обняв его руками за шею и болтая ногой в сапоге. Нести было не тяжело, весила она не больше пятидесяти килограммов, но и не воздушное создание. Мускулатура присутствовала, и пальцы, которыми она взяла его за руку еще возле музея, были сильными.

Дом. М-да... Приблизительно такие особняки показывали в фильмах про наркобаронов. Белые колонны, три этажа, внутри непременно мраморная лестница с ковровой дорожкой. Площадка для вертолета, огромный бассейн с лежаками

вокруг, зеленые постриженные лужайки. Очень не хватало могучих парней в темных очках и с автоматами для антуража. Опять же хорошо, такие типы любят проверять гостей, а ему это без надобности. Ясен пень, горничные и садовники при наличии роботов-уборщиков не нужны. И воров в светлом будущем быть вроде не должно, но перебор. Жить можно и скромнее.

Никита, повинувшись жесту, послушно поставил Лизу на ноги, и она тут же начала раздавать указания. Появились разновозрастные девицы, с готовностью включившиеся в процесс. Гости трудились как муравьи. На середину красивой ухоженной лужайки стаскивали всяческое деревянное добро. Разбитые ящики, сухие ветки, чурбаки. Он долго не мог понять, откуда это берется, пока не обнаружил, что из маленького сарайчика, в котором места хватало только на одного посетителя, а уж никак не на склад. Эти штучки уже были ему знакомы. Деревенский сортир в Березках оказался кабиной, откуда перемещались в дальние края. Он туда сунулся справить личные и срочно необходимые дела и обнаружил вместо дырки или унитаза пульт с непременным окошечком для пальца. Местным жителям с этим проблем нет. Они вполне могли сейчас сгонять и в Антарктиду за старыми досками.

Потом пара обалдуев попыталась развести огонь. Как это делается, они понятия не имели и хотели подпалить толстую ветку с зелеными листьями. Пришлось отобрать зажигалку и

показать класс. Вот что-что, а стрелять и приспособливаться жить в любых самых паршивых условиях его научили в армии прекрасно. При желании он мог бы, как легендарный солдат из сказки, сварить суп из топора, а уж разжечь незаметный костер, чтобы не делиться с малоприятными начальниками украденной овцой, – это совершенно не проблема. Здесь скрываться не требовалось, и пламя вскоре гудело, поднимаясь метра на три.

Вокруг костра начались веселые пляски, а потом принесли очень знакомого вида канистру на двадцать литров. В таких дома перевозили бензин. То, что там находилось, тоже можно было поджечь, но гораздо приятнее было пить. Натуральный самогон, причем неплохо очищенный. По рукам пошли стаканы, появилась закуска, очень скоро веселье стало еще более громким, и компания распалась на несколько групп. По рукам ходили самокрутки с дерущей горло махоркой и самая натуральная марихуана. С ее сладким запахом Никита был прекрасно знаком и раньше.

– Нет, – вполне трезво доказывал сосед с казацким оседельцем своему приятелю в сине-красных брюках и зеленой рубашке, с налысо бритой головой, – это новый интересный момент. – Картина теперь еще и пахнет! Не только осязание и зрение, к осмотру подключается еще и нюх. Намного больше информации.

– Да фигня это, – извлекая из-под ног уже третью канистру, уверенно ответил разноцветный. – Кому это надо? Но-

вая информация, интересное направление... Пусть Вальдис сначала научится правильно рисовать. Как в его изображениях начнут узнавать знакомых, можно и к экспериментам приступать. – Он налил в стакан прозрачную жидкость и сунул, не глядя, Никите. Потом наполнил себе и без раздумий выпил. – Начинать нужно всегда с элементарного. Если ты с ходу придумываешь новое слово для своей деятельности, значит, ничего не умеешь. Ты ведь один разбираешься в этой мазне и смело можешь всем окружающим жаловаться, что тебя не оценили и не поняли. Нет, это все не по мне.

– Твое дело – в океан нырять.

– Вот именно. Кому нужны все эти планеты с их постоянными проблемами? У нас под носом есть масса неизвестных мест. Вот сейчас нашли новый интересный объект. Городу, по нашим прикидкам, не меньше двадцати тысяч лет, а наука это никак объяснить не может. Как и опускания почвы в тех местах. Слишком большая глубина и совершенно не сейсмичный район.

– На самом деле тебе просто плавать нравится!

– Конечно. И это в том числе. Да ведь...

Тут рядом с Никитой уселась Лиза, держа в руках полный стакан, и он отвлекся от малопонятного разговора. Она посмотрела на него, лихо опрокинула порцию в рот и спросила:

– Я тебе нравлюсь?

– Ага, – не очень соображая, что положено говорить, ответил он.

– Тогда бери меня на руки и пошли, – прозвучала команда.

– Куда? – подхватывая ее, спросил он. Отказывать красивой девушке совершенно не было желания, и разбирало любопытство, что за этим последует.

– Туда, – указала она рукой на дом.

Позади через догоравший костер с воплями прыгали крепко поддавшие гости, но Никите было не до них. Под четкие указания, произнесенные таинственным шепотом прямо в ухо, он прошел по коридору, завернул в одну из комнат и неожиданно для себя оказался в спальне. То есть он на это надеялся. Лиза змеиным движением выскользнула из мужских объятий и начала его умело раздевать. Толчок, и он уже лежал на спине в легкой растерянности, а она растегивала на плече пряжку своего платья. Оказалось, что это большой кусок материи, под которым даже белья не было. Лиза медленно повернулась, демонстрируя прекрасную фигуру без всяких жировых складок и соцнакоплений, и одним прыжком оказалась сверху.

Она поерзала, устраиваясь на нем поудобнее, и охнула от удовольствия, широко раскрыв глаза. Ее руки уперлись ему в плечи, ноги обхватили бедра, и началась скачка. Шагом, все убыстряющейся рысью, перешедшей в галоп. За окнами продолжали веселиться. Во дворе с громким всплеском и воплями кто-то рухнул в бассейн, заржали гости, но им до этого не было никакого дела. Никита зарычал, переворачивая де-

вушку и подминая ее под себя. Начал целовать лицо, шею, плечи, грудь, спустился к животу. Сильные руки взяли его за плечи и потянули на себя.

Это продолжалось до темноты. С каждым разом все лучше и лучше, без малейшей неловкости он с готовностью принимал ее руководство, потом, отдохнув, набрасывался в очередной раз сам, получая ответную нежность и страсть, не чувствуя усталости и не понимая, откуда берутся силы. Уже ночью Лиза сказала, что устала, повернулась на бок и тут же заснула. Никита пристроился рядом, обняв девушку, и попытался разобраться, что собственно произошло. Правда, не то было настроение, чтобы заниматься самокопанием, но такая разведка начинала ему нравиться.

«Идиот был Штирлиц, – уже засыпая, подумал он, – тщательно блюдя «облико морале». Его за одно такое поведение моментально бы взяли на заметку. Что за странный тип, не реагирующий на женщин? Не с мальчиками ли втихую балуется? А на это есть статья в Уголовном кодексе, и подобные работники, подловленные на горячем, легко могут быть завербованы противником».

– Я тоже хочу в первопроходцы, – заявил я, заедая Никитины откровения очередной картофельной котлеткой. – Неведомые миры присутствуют, стрельба уже была, тему сисек пора осветить подробно.

– Завидно? – победно ухмыльнулся Никита. – Деталей не

дождешься. Я даже в армии такие разговоры не любил. Сидят, выдумывают, а бабу в голом виде только во сне и видели. Нормальный парень про свою девчонку гадости рассказывать и не подумает. Это дело не публичное, тем более что нет мне интересу озвучивать всякое-разное. Одно – намекнуть в общих чертах, совсем другое – во всех деталях выкладывать. Сболтнешь случайно, а Лизка обидится.

– Познакомишь?

– Непременно. Наш дружный коллектив не такой уж большой, и объехать ее никак не удастся. Да и сам не захочешь, она специалист незаменимый. Ни один врач не сравнится, уже здесь собственную клинику имеет и кучу учеников. На нее натурально молятся.

– «Здесь» – это в России?

– Это в «неправильной» Америке. Из родных мест мы очень быстро постарались унести ноги. Милиция, бандиты...

– Что-то я не заметил, чтобы ты стеснялся пристрелить пару-тройку уголовников.

– Я – нет. А вот она не так воспитана. Самооборону понимает, а начать первыми категорически против. В такой ситуации ждать, пока тебе в окно выстрелят или в машину гранату подложат, глупее не придумаешь. Будь ты хоть супермен, от всех не отобьешься. Да мы долго и не задержались, еще причины были. – Он отмахнулся, не дав задать напрашивающийся вопрос.

– Всему свое время. Обещал – расскажу.

А в Америке до вчерашнего дня была тишь и благодать. Заплатил налоги – спи спокойно. На разные экзотические лечебные практики никто внимания не обращает, был бы результат положительный. Там, без всяких шуток, совершенно спокойно проживают оборотни, маги, тролли, вампиры и всякая прочая мелочь. Здешние США – единственная страна, где все эти типы могут легально получить гражданство, приехав на ПМЖ. Поэтому концентрация разных неестественных живых достаточно большая. И если уж что-то изредка происходит, то будут мочить всех, чтобы свидетелей не было. Плохая реклама им ни к чему, а применение магии во вред человеку автоматически означает смертный приговор. В тюрьме таких типов держать опасно: мало ли что выкинут! Судопроизводство в таких делах изрядно облегченное и ускоренное. Раз – и ты уже на небесах.

– Вампиры, говоришь? – переспросил я, вспоминая серебряные пули.

– Еще несколько лет назад, – серьезно объяснил Никита, – вампира при обнаружении убивали. Теперь нет. Он тоже имеет права. Если люди дают ему возможность кормиться на себе добровольно, никаких претензий. Либералы... – Тут он длинно выругался.

В таком контексте осуждение либерализма я слышал впервые, но если гомосеки тоже люди, а террориста нельзя обижать, чтобы не нарушить его священные права, почему к

вампиру должны быть претензии?

– Это как с некромантшей?

– Здесь говорят «аниматор», но она как раз полезный человек. Мало ли, какие проблемы у людей. Завещание забыл написать, или, там, полиция подозревает жену в отравлении. – Он криво усмехнулся. – Подняли трупика, допросили под стенограмму, любой суд показания признает. После смерти покойники врать не могут. Говорят, умные фэб-ээровцы этим пользовались, выкапывая втихую мафиози из могил, пока их «коллеги» не просекли и не стали всех своих покойников сжигать в крематории. Вообще, многие это делают, даже священники смотрят на такие фокусы сквозь пальцы. Пепел уже не спросишь, а особо сильные аниматоры могут и через десятилетия умершего поднять.

Ты думаешь, только в США этим балуются? Здешний писатель в ненормальном ГУЛАГе местного производства подробно описал, как после расстрела всех отправляли работать на шахты и прииски. Удобно – расходов на кормежку и охрану никаких, а польза изрядная. Всех аниматоров при обнаружении направляли работать в органы, и трудились они до седьмого пота. Так и жаловались бедные со слезами: «В тысяча девятьсот тридцать седьмом – тридцать восьмом годах вал работы был огромен, мы не успевали и крайне выматывались».

Читаешь некоторые книжки и фигеешь, насколько все похоже и при этом абсолютно разное. Зато никакого «разбаз-

ривания» человеческих рук. У нас как было? Шестьсот пятьдесят тысяч в расход за два года. Никакой пользы, даже в виде удобрений. А здесь они план перевыполняли. Зомбаки строили каналы, работали в шахтах и вообще гораздо полезнее для народного хозяйства были. Кушать не просят, лечить их не требуется, одевать ни к чему, охрана практически отсутствует. Кстати, и народу постреляли гораздо больше, согласно заявкам, лимитам и планам. Попахивают, правда, и вид с годами становится отвратный, ну да зато никаких затрат на содержание. А ты как думал, исключительно в мире гнивающего капитализма нежить используют для получения прибыли? Большевики совершенно справедливо считаются рационалистами и классовых врагов использовали по назначению и после смерти.

– Что-то я совсем запутался. Ты про что говоришь? Коммунизм отдельно, нежить отдельно или это все из одного мира?

– Это два разных мира, – разливая вторую порцию, поразил меня. – Я в хронологическом порядке излагаю. Тебе первому подробно рассказываю про тяжкую жизнь первооткрывателя альтернативных стран и планет.

Глава 4. Новая жизнь

Никита проснулся от прикосновения и резко сел. Несколько секунд он с недоумением смотрел на девушку, не узнавая ее. Потом до него дошло. Встретил бы в другой обстановке, запросто прошел бы мимо. Вместо вороньего гнезда изумительных оттенков на голове у нее была очень симпатичная стрижка под мальчика, отрывающая аккуратные ушки с маленькими золотыми серьгами, украшенными красными камешками. Волосы были темно-каштанового цвета и вроде не крашеные.

Странная одежда тоже исчезла, ее сменил деловой костюмчик: пиджачок и юбка. Последняя, впрочем, была вполне себе обтягивающая и только самую малость ниже колен. Никита вздохнул с восхищением.

Лиза улыбнулась, довольная произведенным впечатлением, и сказала, помахав рукой на прощание:

– Я на работу, вернусь вечером. Ключ на столе.

Он полежал еще немного, но спать больше не хотелось, и сел, пытаясь обнаружить свои шмотки. Штаны нашлись легко – возле двери, рубаха почему-то оказалась в противоположном конце комнаты, под окном. Одеваясь, он с любопытством поглядывал во двор на следы вчерашней гулянки. На лужайке было не одно, а два больших кострища. Валялись бутылки, банки, и вообще все было загажено. Любой

нормальный дворник при виде такого безобразия тут же перешел бы на матерный язык. В бассейне плавали лежаки и стулья, а прямо на бортике лежало тело. Судя по мерно поднимающейся груди – не покойное. Вполне живой, но страшно уставший от разгульного вечера человек. Вокруг крутился очередной робот, пребывавший в явной растерянности: работы хватило бы на месяц. Потом он встал и глубоко задумался. Никита не видел откуда, но ровно через минуту один за другим на лужайке начали появляться точные копии бедняги. Не иначе, вызвал подмогу. Действовать они начали дружно, разделившись на группы, при этом в открытое окно разговоров и команд не доносилось. Наверное, общались по радио. Очень любопытно, это ведь высокий уровень, когда надзиратель уже не требуется и сами принимают решения. Не слишком похоже на тупые механизмы.

На огромной кухне за столом, без особых проблем способным вместить два десятка человек, сидела с тоскующим видом девушка в халатике, та самая, что вчера разгуливала во фраке и с отвращением смотрела на еду. Никита вежливо поздоровался и попытался изобразить, что ему на эти тюбики тьфу и растереть. Уверено взял один и попытался приготовить себе котлету. Получился вареный кусок мяса. Под грустным взглядом соседки сделал вид, что именно этого и добивался, и, прихватив отломленный кусок хлеба с тарелки, начал с аппетитом жевать.

– Я Ник, – сообщил он, когда молчание надоело.

– Я знаю, – ответила девица, закатывая глаза.

– А ты здесь живешь?

– Как болит голова! – простонала она и, не прощаясь, выскочила за дверь.

Никита пожал плечами, допил оставшийся неизвестно после кого кофе в большой чашке. Где взять воду, он все равно не знал, а кранов в прямой видимости не наблюдалось, и смело отправился изучать окрестности.

Лестница умопомрачительных размеров на верхние этажи имела, правда, не мраморная, но зато с абстрактными скульптурами на площадках. Он сунулся в одну дверь, потом в другую и вылетел оттуда под громкий женский визг. Где-то через четверть часа наконец сообразил, что особняк вовсе не рассчитан на одну Лизу. Это было что-то вроде общаги. В его мире студенты бы удавились от зависти. На этаже несколько квартир. Везде одинаковая планировка: большой салон, кабинет, спальня, душ, туалет. Кухня была одна на весь этаж, там и ели обычно. Жили поодиночке, о чем ему доходчиво объяснила очередная девица, непринужденно разгуливающая по коридору в одних трусиках, но гостей приводить не возбранялось. Надзирателей здесь не было, и она вообще не поняла, о чем речь, надолго задумавшись над вопросом о пропусках. Вероятно, раньше это слово она не слышала.

Никита вернулся в знакомую квартиру. Шарить по шкафам совершенно не тянуло. Все равно ничего кроме женских

вещей он там не обнаружит. Даже зубная щетка, ни на вид, ни на ощупь не отличавшаяся от привычных, была представлена в единственном экземпляре. Никаких сомнений, что Лиза проживает одна. А найти среди юбок совершенно секретный доклад с подробными подсказками по внедрению в коммунистическое общество глупого инопланетянина он не надеялся.

Не раздумывая, он зашел в кабинет и плюхнулся на стул с жестким сиденьем у здешнего аналога вычислительной техники. Ничем другим большой плоский экран быть не мог. Все было знакомое и при этом неуловимо другое. Экран почти ничего не весил и занимал мало места. Краем уха Никита слышал про первые плоские телевизоры, так что особого удивления у него не возникло.

Клавиатура тоже не сильно отличалась. Латинский и русский шрифты, но дополнительных кнопок было намного меньше, чем в привычной. Верхний ряд с разными «F1» и так далее полностью отсутствовал. А вместо стандартных «Enter» и «Delete» были надписи «Стереть» и «Ввод». Догадаться не сложно. Вот мышь была не мышь, а рукоятка с кнопкой спереди без малейшего признака провода. И прекрасно работала. Стоило коснуться ручки, и экран засветился. Очень удачно оказался включен, а то ищи кнопку. Вместо стрелки по экрану забегало изображение прицела – кружок с перекрестьем. Двигаешь вверх-вниз или куда нужно и нажимаешь клавишу на ручке указательным пальцем. Все

просто и не требует объяснений.

Дальше пошло хуже. Нормальных иконок, по которым щелкают, не наблюдалось. Не было и столбика команд, вылезающих при нажатии на клавишу «Старт». Вообще ничего не было. Девственно чистый экран с заставкой в виде каких-то античных развалин. В голове появилась смелая мысль, что вчерашний хитон и заставка связаны с каким-то Лизиним интересом к античности и вещь не просто куплена в ближайшем супермаркете.

Никита старательно «стрелял» во все стороны, но результат был нулевой, пока он совершенно случайно не вдавил кнопку на несколько секунд. В центре экрана вылез квадратик с вопросительным знаком после слова «Имя». На всякий случай он набрал «Лиза», потом «Елизавета» и, получив искомую надпись «Все программы», ощутил себя крутым хакером, подобравшим пароль к секретам Пентагона и вскрывшим тайны Генерального штаба, как консервную банку.

Это больше всего напоминало паутину. Наводишь на строчку, она разветвляется, потом снова и снова. В некоторых случаях переходит на предыдущий уровень, или они пересекаются. Если знаешь, что тебе надо, можно, не бегая по переходам, пройти напрямик, но Никита работал методом тыка, проверяя все подряд. Названия программ ему ничего не говорили, как и сильно умная терминология, про которую он смутно догадывался, что она имеет отношение к медицине. Во всяком случае разные «психо-», «гемо-», «травмо-»

наводили именно на эту мысль.

Через час мучений он совершенно случайно наткнулся на «Поиск» и, выведя на экран соответствующий квадратик, отвалившись от доставшего уже экрана, начал шарить на столе. Обнаружил сигареты, с подозрением понюхал, но это был нормальный табак, слегка пересушенный. Он прикурил от найденной тут же совершенной копии китайской одноразовой зажигалки (даже при коммунизме ничего лучше не придумали) и глубоко задумался. А что, собственно, искать? Хорошо Штирлицу, ему из Центра инструкции давали, а здесь что нужно выяснять? На самом деле ему требуются простейшие вещи, знакомые каждому с детства, но как поставить вопрос, он не представлял. Подумал и набрал «Спецслужбы». Получил в ответ массу упоминаний о спасателях, скорой медицинской помощи, пожарных и добровольных помощниках. Не то...

Вот тоже ситуация – требуется-то правильное название, а он даже дома путается: КГБ у них, МГБ, ФСБ или еще как переименовали. Да и что интересного найдешь на такую тему в общедоступном поиске?

Еще один удар по клавишам – «Документы». Машина услужливо сообщила, что имеется полтора миллиона ссылок и для облегчения жизни требуется уточнить запрос. На «Документы, необходимые для жизни» соответствий не было вообще. «Детдом». Полное отсутствие. Ага! Они говорили – «интернат». Набрал. Вылез бесконечный список упоми-

наний интернатов. Надпись вверху сообщала о количестве. Какие-то дикие миллионы ссылок. Не так...

«Интернат «Северное сияние»». Теперь попроще. Паршивых две сотни ссылок. Никита старательно углубился в изучение и, перепрыгивая со статьи на статью, кое-что начал обрабатывать в окружающем мире.

Во-первых, все интернаты строились по типовым проектам, и стандартное размещение детей в комнатах было по четверо. Так что не удивительно, что рыжий поразился его неосведомленности.

Во-вторых, существовала мощная теория, согласно которой воспитанием детей должны заниматься профессионалы. Доверить столь ответственное дело родителям означало погубить судьбу ребенка. Все до единого с пяти-шести лет проходили через воспитательный процесс в интернате. Большую часть времени дети проводили в детдомах, и, хотя родители могли навещать их когда угодно, на практике это происходило не очень часто. Исключения были крайне редки и относились как раз к вольным, не желавшим жить такой жизнью. Если на их дистанцирование от общепринятой практики принесения всемерной пользы обществу смотрели снисходительно, то попытки воспитывать ребятишек в семье дружно осуждались. Заставлять, правда, не заставляли, и какое-то небольшое количество малолеток умудрялось миновать основную Теорию Воспитания. Зато уже потом, во взрослой жизни, вполне могли возникнуть проблемы с вы-

бором профессии. Анкета в обязательном порядке отражала дикое уклонение от общего вектора развития.

В-третьих, считалась, что Теория Воспитания позволяет учителю обнаружить и развить Главный Талант. Якобы он есть у всех, надо только правильно определить какой. Все дети – гении (по идее). Ага, мир одних сплошных талантов. Хорошо в теории, сомнительно на практике. А что делать тем, кто искренне хочет добиться успеха в деле, в котором не обязательно гений? Бывает, берут еще усидчивостью и настойчивостью.

А даже гений... Все время напрягаться и доказывать окружающим, что ты лучше. Так и надорваться недолго. В конце концов, не обязательно любить плавать, если у тебя к этому предрасположенность, и не каждый становится чемпионом. Получалось, что учитель, заботясь о благе ученика, нередко толкает его в область, куда ребенок вовсе не стремится. Чем педагог лучше родителей, которые тоже знают, куда идти их чадам и чем заниматься, до Никиты при всем желании не дошло. Разве что критерии разные. На Земле еще и вопрос заработка важен, а тут уже полная материальная обеспеченность.

Тут он встрепенулся, поймав недурную мысль, и резво застучал по клавишам. Ценой часа перебора разных вариантов он получил ответ и на этот животрепещущий вопрос. Роботы, именуемые в статьях киберами! Само собой! Без них не

обойтись, всю грязную и неприятную, а также опасную работу они брали на себя.

Важнее, что уже давно была разработана технология синтеза материальных предметов, по-умному именовавшаяся «Эффектом Штайнера-Карпинова», а в просторечии – дубликаторами материи. В одно окошко кладешь необходимый предмет, из другого вынимаешь любое количество абсолютно идентичных копий. Понятное дело, это не касалось новых изделий или специальных заказов, но с ширпотребом вопрос был решен полностью.

Как сырье можно использовать практически любой материал. Песок, опилки, камни. Таблицу Менделеева никто не отменял даже в параллельных мирах, поэтому, чтобы понять суть происходящего, требовалось лет пять поучиться на кафедре физики и математики по разделу струнного эффекта и холодного синтеза материи. Так что и эта сильно перспективная мысль стать дома супергением и всех осчастливить накрылась медным тазом.

Похоже, он правильно допер: вся эта возня с картофелем в огороде была стопроцентным хобби и никому в принципе не нужна. Лепи себе дубли бульбы подходящего сорта, сколько хочешь. Существовали даже специальные каталоги для больших гурманов. Разница в том, что, если ты хотел что-то кроме обеспечения стандартного уровня (а туда много чего входило, так что Никита вздохнул с завистью, обнаружив длиннющий список), необходимо было отдать на благо Ро-

дины какое-то количество часов на общественных работах. Куда пошлют – согласно указаниям. Для этого и существовали фиксированные при заказе вещей отпечатки пальцев. Учет и контроль были хорошо налажены, куда там Ленину с его мечтаниями!

По ходу дела обнаружилось, что одним из ответвлений этого самого эффекта Штайнера-Карпинова оказался перенос материи на различные расстояния в пределах планеты. То, над чем работал отец со своим приятелем. Только в отличие от них, здесь проблему решили, и эти самые кабины как раз и являются разветвленной транспортной системой. Нет нужды в поездах, самолетах и кораблях. Перенос мгновенный, и широкая сеть позволяет отправляться при желании и в Антарктиду, и в Каракумы, и в Москву. Даже адреса можно не знать. Оказывается, есть голосовые команды, и вполне достаточно указать приблизительное место. Тебе предложат на выбор несколько подходящих вариантов.

Хлопнула дверь, и Никита поспешно вскочил проверить, кто пришел. Оказалось, хозяйка. Он несколько удивился раннему возвращению, потом вспомнил про четырехчасовой рабочий день. За бесконечным поиском информации и не заметил, как время пробежало. Вид у Лизы был не очень. Вялая, расстроенная. Никогда не был большим специалистом по поглаживанию по шерстке и жилеткой не служил, но тут совершенно автоматически запрыгал вокруг. Пиджачок помог снять, потом притащил стул и освободил ноги от

туфельк. Никакой неловкости при этом не испытывал – все нормально, и приличный парень должен соображать не только тем, что ниже пояса, но и головой.

Встал сзади Лизы и, положив руки на плечи, начал осторожно массировать шею и верхнюю часть спины. Не то чтобы он был великий массажист, но, как снять напряжение мышц, знал: и от бокса бывает польза не только по части мордобития. Расстегнул и снял блузку, облегчая себе работу. Никакой эротики, просто одежда не должна мешать – девушке же легче. Лиза погладила его по руке и, переместившись на кровать, легла на живот. Тут уже команды не требовалось, и Никита приступил к ней с новыми силами, энергично растирая и поглаживая. Лиза замерла под его ладонями, и он почувствовал, как ее тело успокаивается и напряжение спадает. Вот и хорошо, для восстановления мышцы должны быть максимально расслаблены. Он поработал еще минут десять, остановился и спросил:

– Принести что-нибудь?

– Кофе, – сказала она в подушку.

– Сейчас.

На кухне в отличие от утра сидели с десятков девиц не старше двадцати, но, на его счастье, уже не в одних трусиках. Все больше в примелькавшихся маечках и шортиках, но были и в платьях, и в обычных халатиках всевозможных расцветок. Женский пол и при коммунизме ничуть не изменился. Цель – показать свои достоинства. Приталенная одежда под-

черкивала тонкую талию, которую можно охватить пальцами одной руки, глубокий вырез и длина позволяли рассмотреть красивую грудь и длинные ноги. Не то чтобы ему это мешало, даже и наличие абсолютно голых девок, однако в здешнем этикете он пока не разобрался, и не хотелось вляпаться в скандал на пустом месте. Кто его знает, может, уставишься куда, а это примут за оскорбление. Или наоборот, не уставишься, и заподозрят невесть в чем.

При его появлении разговоры стихли. Все дружно и с любопытством уставились на Никиту. Очень захотелось смыться, но это было бы страшно глупо.

– А можно мне большую чашку кофе? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Никита в воздух.

– Лизка, что ли вернулась? – спросила какая-то девица, вставая и направляясь к кухонному агрегату с множеством кнопочек и рычажков, который он самостоятельно трогать побоялся. Была она изрядно полненькой, но тоже ходила в майке и шортах, не особо стесняясь.

– Ага, – подтвердил Никита.

– И как всегда выжатая как лимон, – ставя на извлеченный из шкафа поднос тарелку с какой-то едой, сообщила девица сама себе. – Сегодня в ММЦ привезли сразу несколько попавших в аварию. Пока их до нормального состояния довели, все силы ушли.

– ММЦ?

– Московский медицинский центр. Ты что не знал, что

она там работает?

– Я думал, еще учится.

– Это мы учимся, а она только экзамены приходит сдавать, давно уже работает. Продвинутая...

– ...дура, – сообщил другой нежный голосок.

Прямо перед Никитой на стол уселась брюнетка из разряда секс-бомб с соответствующими буферами, роскошной гривой и завитком на безмятежном лбу. Заложила ногу на ногу, давая себя осмотреть, и вроде бы случайно шевельнула плечиком, позволив сползти лямке платья. Кто-то хихикнул. Никита стоял с каменным лицом. Подобными штучками его могли смутить лет в пятнадцать, давно уже перерос и слегка поумнел. Начнешь плясать и краснеть, обязательно всем женским коллективом доставать начнут, пока не заклюют до смерти.

– Тамара, – с придыханием сообщила она.

– Ник.

– Да уж знаем, – прокомментировал все тот же ехидный нежный голосок. – Лизка-то что выкинула... в тихом омуте черти водятся.

– Глупости, – потягиваясь так, чтобы показать все свои выдающиеся достоинства, сказала Тамара. – Нормальная девка, только заучилась слегка. Пошла в отрыв. Одна проблема – это не надолго. Через денек проснется, посмотрит вокруг себя и вспомнит о том, что необходимо совершенствовать знания и прочее... Не до интересных спортсменов с

холодными синими глазами. Как попрет, заходи... Посидим, побеседуем, – и подмигнула, ничуть не скрываясь от остальных.

– Вот, – вручая поднос с тарелками и двумя большими, на пол-литра, полными чашками, заявила полненькая, – бери и вали отсюда. А то съедят.

– Мы очень любим натуральное мясо, – сладко улыбнулась Тамара.

– А ничего, – уже в спину сказал еще кто-то, – симпатичный. Коллектив жизнерадостно заржал, даже за закрытой дверью слышно было.

«Прав был наш взводный, – направляясь к знакомой двери, подумал Никита. – Ничего в мире не изменится. Люди остаются людьми, и психология у них, что в двадцатом, что в двадцать втором веке одинаковая. В какие условия поставить, тем и будешь. Можно довести до озверения, можно воспитывать коммунистами, а бабы все равно будут сплетничать и доказывать все окружающим, какие они все из себя. А парни обязательно начнут выяснять, кто самый большой павиан в этом зоопарке. Ну, оно и к лучшему. О чем бы я беседовал, если бы тут с горящими глазами рассуждали исключительно про всеобщее счастье? Не девки, а биороботы какие-то с промытыми мозгами. А эти... как в нормальной общаге. Совершенно обычное поведение. Если я тут надолго прислонился, непременно через меня начнут отношения

выяснять. Чисто из вредности. Лиза у них явно проходит по варианту зубрилки и раньше себе такого не позволяла. А мне даже лучше. И что я вовсе не стою в длинном списке последним, и что на почве разборок как-то не до некоторых моих странностей. Головы у них теперь будут заняты совсем другим».

Стараясь не стучать, он открыл дверь и прошел в комнату. Лиза безмятежно спала, и будить ее вряд ли стоило. Никита поставил поднос на столик у кровати, осторожно прикрыл девушку простыней и приблизился к окну, прикуривая очередную сигарету из найденной пачки. На лужайке перед домом уже навели порядок. Прямо поверх выжженного пятна киберы раскатывали на манер ковра рулон травы. Скоро вообще никаких следов не останется. Он затаился еще раз и выбросил окурочок в окно, наблюдая, как тот, рассыпая искры, падает вниз. Очередной робот-паук торопливо сорвался с места и мгновенно заглотнул мусор. Замер, ожидая продолжения.

– Хрен тебе, – пробурчал Никита и плюнул вниз, стремясь попасть в жукообразное туловище.

«Так, что мы имеем? Аббревиатуру ММЦ и сообщение об аварии. Бум изучать новую информацию через поиск. Чем, собственно, занимается этот Центр и что с этого можно понять полезного для общего понимания жизни...»

– Что тут такого интересного? – упираясь рукой в стол, спросила Лиза, заглядывая через плечо Никиты в экран. Он

от неожиданности вздрогнул. Слишком увлекся и совсем перестал замечать происходящее вокруг. – А... опять музей... Ничего интересного там нет.

– Да я уже давно не надеюсь, – сознался Никита, последний час просматривавший экспозиции. «Хрен поймешь, что такое хранится в музее», – подумал он.

Съемки древних городов на каких-то астероидах без всяких признаков жизни. Там такой слой пыли предварительно счищали, что дураку понятно – полное и уже не один век отсутствие разумной, как впрочем, и неразумной жизнедеятельности. Камни, пустые помещения и невразумительные пояснения про странный материал, из которого все построено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.